

Машковцев Владилен Иванович

СКАЗКИ КАЗАЧЬЕГО ЯИКА

Сказки, притчи, побайки и былины

Яик Горыныч

Для квачи — мочало. Для сказки — начало. Садитесь, дети, в кружок, а кто байку запомнит, тому дам пирожок...

Кто из вас знает, какие реки на земле нашей текут к морям? Река Днепр Славутич, река Дон Иванович, река Волга-матушка, река Енисей-батюшка. А мы живём с вами на реке, что именуется Яик Горыныч. Осетры в наших местах по десять пудов, а рыба-севрюга сама в лодки прыгает. Почему же прозвали реку Яиком Горынычем?

А потому и прозвали, что жил когда-то здесь трёхглавый змей-ящер Горын. Хвостат и велик ростом, страхолюден был дракон, будто три крокодила громадных в одно чудище срослось. Тело его мерзкое было покрыто крупной зелёной чешуей. Стрелы от этой железной чешуи отскакивали, сабли ломались. Да и боялись люди трёхглавого ящера, уходили подальше, за леса и степи.

Не страшился змея-ящера токмо дикий лесной человек Див. Волосатый Див медведей, как зайцев, на части разрывал. Ел он сырое мясо, коренья, ягоды. А змей Горын осетриной питался. Иногда Див отбирал у ящера осетров, рыбой лакомился, жену свою Дивину и семерых дивят угощал.

И стал опасаться Горын семейства Дива. Мол, вырастут семь дивят, тогда плохо будет ему. И решился трёхглавый змей-ящер убить Дива. Прокрался он ночью к пещере, где спали дивы. Но собака, которая жила с дивами, залаяла. Пришлось Горыну обратно в реку уползти.

На другой день схитрил Горын и сказал Диву:

— Отдай мне свою собаку на съедение. Очень уж я люблю собачатину. А тебе, Див, за собаку я поймаю сорок самых больших осетров да в придачу белугу и кучу севрюга с икрой.

— Какой глупый Горын! — подумал Див. — Три головы имеет, а соображает плохо: за одну худую собаку даёт сорок осетров, великаншу-белугу и кучу севрюги с икрой.

Дивята кричали и плакали — не хотели отдавать любимого пса на съедение Горыну. Но лето было сухое, лоси и медведи ушли в другие леса, сайгаки перекочевали стадами к северу. Голодно было в пещере у Дива. И отдал он собаку на съедение трёхглавому змею-ящеру. Горын наловил рыбы, в пещеру принёс, дубину-палицу у Дива попросил.

— Зачем тебе палица? У тебя лапы с громадными когтями. Тебя и тигры боятся, — рассмеялся Див.

— Буду белугу и крупных осетров бить палицей, — опять схитрил Горын.

— Бери, я себе из обгоревшего дуба новую палицу излажу, — согласился простодушный Див.

Ночью, когда луна спряталась за чёрным облаком, трёхглавый ящер Горын пробрался в пещеру, убил спящего Дива и его жену. Дивятам удалось ускользнуть, в лес убежать. С тех пор они и бродят по лесам, кричат страшно, плачут.

А Горын стал владельцем реки на долгие годы. Потому река и называется Яик Горыныч. А ежели хотите узнать, куда делся Горын, платите бабке за новую байку алтын!

Атач — гора Магнитная

Только с 1895 по 1910 год
на землях станицы Магнитной
было добыто 347 пудов золота.

Принесли деду булку ситную — за быль про гору Магнитную. Подарили деду тулуп, потому что он стар и глуп. Полоса у него не прополота, а петух из червонного золота. Дед в избе сидит с батожком и любит петушком. Но украсна сказка концом. Дед когда-то был кузнецом...

Росла у кузнеца дочка Малаша. В год, когда атаман Нечай ушёл в набег на Хиву, собирала Малаша во степи щавель. Нарвала она полный передник зелёной кислятки, пошла домой. Идет юница, песенку поёт. И увидела она в яме сайгачонка. Лежит он в провале, выбраться ему не можно. Малаша вытащила сайгачонка, принесла его в станицу. А люди смеются:

— Какой он уродливый, горбоносый! И к чему он тебе? В богатых станицах не едят казаки мясо сайгачье. Лучше бы жеребёнка привадила из дикого табуна. Вырос бы для хозяйства конь.

Но кузнец не бранил дочку. Мол, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Малаша выходила сайгачонка. Отпоила его молоком козьим, откормила киселём овсяным. И ожил, порезвел горемыка.

— Я золотом обернусь, — говорил сайгачонок Малаше.

Но в засушливое лето проходило мимо станицы сайгачье стадо. И ушёл сайгачонок с родичами. Погоревала-погоревала Малаша и смирилась. А золота от сайгачонка и не ждала.

Осенью, однако, сайгачонок вернулся. Где-то он охромел. Малаша привела сайгачонка к отцу в кузню:

— Посмотри, отец, копыто. Кажись, там заноза. Вот и хромает козлик-горбоносик.

Кузнец Кузьма вытащил из копыта колючку. Но заметил кузнец и другое — чёрные вкрапления в роговине копыта. Кузьма имел понятие рудознатное: значит, ходил сайгачонок по железной руде. Снарядил кузнец ватагу и двинулся конно по сайгачьим тропам к северу.

У верховья реки наткнулась казачья ватага на железную гору. Издали походила гора на петуха. И четыре горушки возле, будто куры.

— Петух! — показал на гору кузнец.

— Истинно, петух! — согласились казаки.

Вся гора усыпана чёрными и рыжими глыбами, рудной крошкой. Чёрные глыбы магнитны, железо чистое. И не надобно в земле копаться. Грузи руду в лодки и пльиви до Яицкого городка.

Место было безлюдное. Но встретили казаки одного башкирина. Он крицу в огненной яме выжигал.

— Мин тимерче, Мустафа! Мин Атач! — показал на гору башкирин.

— Что лопочет этот татарин? — спросили казаки у Кузьмы-кузнеца.

— Он сказал: «Я — кузнец, Мустафа! Мой Петух!» Атач, по-ихнему, петух. Гора называется Петухом.

Кузнец Кузьма понимал и ногайцев, и хайсаков, и башкир. Он решил помочь башкирину. Выхватил Кузьма клещами раскалённую крицу из обжиговой ямы. Бросил её на камень и начал обжимать ударами молота — токмо искры во все стороны посыпались.

И подружились два кузнеца. Но рудой железной они так и не разбогатели, хотя ковали на продажу сабли, серпы и вилы. А Малаша нашла у речки Гумбейки золотой

самородок, по виду — маленького сайгачонка. Кузьма подарил самородок Мустафе. Мол, возьми на дружбу золото — сайгачонок счастье приносит.

На другой день Мустафа тоже преподнёс Кузьме подарок — золотой самородочек, вылитого петуха. И дали они клятву молчать. Не говорить никому, что окрестности горы Магнитной усыпаны золотом.

Но удача всегда случайна. И раскрылась однажды тайна. Дед лукавый сидел на завалинке, подшивал старые валенки. А соседка шла за водой. Казачка глазастой была, молодой. И видела баба сама, как выпал петух золотой из пима.

Говорят казаки из Гурьева — не держите в свинарнике курево. Говорят в станице Зверинке — не прячьте червонцы в кринке. Говорят в станице Наваринке — не храните золото в валенке.

Ворона Дураша

Не за синим морем океаном, не за горами высокими, а на земле нашей казачьей жил один старый атаман. Было у него два сына — непутёвых и жадных. А третьим в доме рос приёмш, отрок Макар. Жила в хате атамана и невесть откуда прилетевшая говорящая ворона Дураша.

Но разговаривала ласково ворона только с Макарушкой.

— Здравствуй, Макар-Макарушка! Дай мне гороху! — картавила птица-ворона.

— Дам тебе гороху, Дураша, но сначала надобно отварить горох. Шибко он твёрдый, — отвечал Макарушка.

— Сыру дай мне, Макар! — просила ворона.

— Сыр едят люди богатые, Дураша! — улыбался Макарушка.

— Дай сыру — покажу схорон с динарами, — не унималась птица, хлопая крыльями.

Братья смеялись над Макарушкой.

— Блаженный Макар с вороной беседует. Ворона обещает ему показать, где клад укрыт с червонцами золотыми. Ха-ха-ха!

Иногда братья хлестали нагайкой Макарушку, выгоняли его из хаты вместе с вороной Дурашей. Тогда Макарушка обитался на сеновале. Ворона воровала у соседей куски хлеба, вяленую рыбу и прилетала на сеновал.

— Грызи, Макарушка!

Такова уж доля сиротская. Макарушка был терпелив. Дрова колол, воду носил, сено косил, рожь молотил. И коней овсом кормил. А ходил оборванцем, в зипуне заплатанном.

Люди корили атамана:

— Пошто сироту обижаешь, на растерзание и глумление отдаёшь Макарушку сыновьям своим?

— Бог всё видит! — отвечал неопределённо атаман.

Так вот и пролетело несколько лет. И настало время старому атаману умирать. Вызвал он к себе сыновей и приёмша Макара. И сказал атаман:

— Разделил я наследство на три неравные части. Каждый из вас выберет для себя лишь одну долю. Но первым будет выбирать часть завещанного Макара, а то ведь обидите сироту.

У братьев лица позеленели, руки затряслись. Мол, что же такое происходит, люди добрые? Чужаку, сироте нищему достанется самая жирная доля!

— Каковы же части наследства? — упали сыновья на колени перед умирающим отцом.

— Первая доля — дом со скарбом и конюшней. Вторая доля — табуны овец и хата на заимке. А третья доля — ворона говорящая, Дураша. Ну, кто желает получить главное богатство — ворону Дурашу?

Взвыли перед атаманом сыновья:

— За что, отец, кара жестокая, несправедливая? Ведь Макар выберет дом со скарбом и конюшню. Или возьмет хату на заимке со стадами овец. А хутор не дешевле хоромин со скарбом и конюшней! Вот и достанется одному из нас дурацкая ворона. За что же такая казнь? За какие грехи несчастья?

Атаман молчал, не отвечал сыновьям. Тогда они сцепились между собой.

— Я после Макара первым долю выбираю, значит, тебе ворона достанется! — вопил один.

— Нет! — кричал другой. — Я возьму хутор с овцами, а ты с вороной каркай!

И чуть было не подрались братья, уже рубахи у них по швам затрещали. Но Макарушка успокоил братьев:

— Не шумите зазря, не рвите льняные рубахи. Я по праву делаю выбор первым. И выбрал я не хоромы со скарбом и конюшней, и не хутор с баранами, а говорящую ворону Дурашу.

Братья онемели от простодушия Макарушки. Мол, слава богу, что он блаженный. Ворону ободранную за сокровище принял! На радостях дали они сироте шматок сала, полмешка муки ржаной и разрешили поселиться в старой бане. А отца без поминок похоронили — не могли простить ему покушение на их законное богатство.

Но вскоре порушилось состояние братьев. Работать они не умели, а в набеги с казаками ходить боялись. И пришлось им продать хоромы со скарбом и хату на заимке с овцами. Обнищали братья, собирали объедки в харчевне, прислуживали еврею-шинкарю.

А Макарушка разбогател нежданно. Шёл он как-то летом по степи, притомился, на камень присел. А камень большой, округлый, красного цвета. Ворона Дураша в небе резвилась. Но вдруг птица подлетела, каркнула, села на плечо Макарушке:

— Карр! Карр! Под красным камнем динары, Макар!

Отвалил Макарушка камень, а там, в яме, медный сундук с червонцами золотыми, динарами и дукатами. Купил Макарушка лесу корабельного, срубил себе дом добротный, печку изладил. Конюшню во дворе поставил. Завёл корову и бычка, пару коней чалых. Братьев-обидчиков Макарушка к себе в подручники взял. Одел и обул их, научил землю пахать, рожь сеять.

А клад Макарушка перепрятал. Но знала об этом только ворона Дураша.

В гостях у царя Осетра

После зелёной пятницы и красной субботы как-то пришло голубое воскресенье, и пошел Макар-Макарушка на реку Яик рыбу ловить. Сел он в лодку, заплыл на островок. Но разморило его солнце, и уснул он на островке в кустах.

Проснулся Макарушка от шума, рыка и брани несурзной. Выглянул из-за коряги и обомлел: на песке, возле его лодки, лежала израненная хищными зубами русалка. А поодаль бесновались и ругались между собой три головы дракона Горына.

Одна голова кричала:

— Я съела две тыщи татар, двадцать купцов, два полка русичей, а русалок и не пробовала. Эту русалку я съем!

Другая голова рычала:

— Я истребила тьму ногайцев, хрустела косточками калмыков, глотала хайсаков, славянами закусывала. А вот вкус русалки не ведаю. И в центре я, потому русалку на съедение мне отдать надобно!

Правая голова гневалась:

— Это я Диву горло перегрызла, а вы семерых дивят упустили в лес. У меня больше всех заслуг. И русалку я первой заметила и укусила. Русалка — моя добыча!

В сей миг и закружилась над трёхглавым Горыном говорящая ворона Макарки — Дураша. Ворона каркала, обращаясь к дракону:

— Горын-дурак! Ты дурак, Горын! Карр! Карр! У тебя три головы, и нет ни одной умной! Карр! Карр! Три головы поссорились! А зачем ругаться? Нырять в реку, Горын. И плыви к верховью, до горы Железной. Там, у Магнит-горы, еще две русалки резвятся. Жирные русалки. Ты поймаешь, Горын, ещё двух русалок. И тогда на каждую голову будет по одной вкусной русалке. И не надо будет ссориться. А эту русалку я покараулю до твоего возвращения. Карр! Карр! Это тебе говорит, Горын, самая умная на свете ворона — Дураша!

— Ты права, Дураша! — согласился Горын, кивая тремя безобразными головами. И нырнул дракон в реку, аж брызги в разные стороны. И поплыл он быстро к северу.

Макарка вылез из-за коряги и погрозил вороне кулаком:

— Какая ты злодейка, Дураша! Зачем ты сказала дракону о двух русалках у Магнит-горы? Горын настигнет их и поймает. Почему ты, Дураша, предала русалок?

— Я предала русалок? Карр! Карр! Какой ты глупый, Макар! Никаких русалок у Железной горы нет. Там два медведя в малинике сидят. А на берегу лежат два скелета. Я только что там была. Очень испугалась, когда один скелет посмотрел на меня. А из черепа другого скелета выползла черная змея. Ужас! Карр! Карр! Почему ты сидишь, Макар? Перенеси русалку в лодку. И плыви поскорее в море Хвалынское. Крикнешь там на третьей волне царя Осетра. Эта русалка — его приёмная дочь. Торопись, Макар! Карр! Карр! Но не вздумай опускаться на дно морское. Из лодки даже не выходи.

Макарка нарвал травы, лопухов, устелил днище лодки. Перенёс израненную русалку в лодку, вскинул парус и поплыл к морю Хвалынскому.

— Спасибо, Дураша!

— Из твоего спасибо шубу не сошьешь. Дай мне сыру! — порхала над лодкой ворона.

— Сыр едят бояре, — улыбнулся Макарка.

— Дурак! — обозвала его ворона.

— Я накопаю тебе червей, — налегал Макарка на весла, помогая парусу.

— Фу, какая пакость! Я давно не ем червей. Предпочитаю крабов, красную икру.

— А красную икру — токмо к царскому двору! — шутил Макарушка.

— Изверг! — рассердилась ворона Дураша и полетела на огород бабки Дуни воровать бобы и горох.

В это время у Магнит-горы злобствовал, бил хвостом по мелководью трёхглавый дракон Горын.

— Где русалки? — спрашивала одна голова.

— Я вижу на берегу два скелета, — хрипела другая морда.

— Нас обманули! Где же справедливость? — повизгивала третья пасть.

Над Горыном стрекотала насмешливо сорока-белобок:

— Что ты ищешь, Горын? Неужели ты стал лакомиться скелетами? Это любопытно. Я знаю одно местечко. Там битва была. Очень много скелетов! А русалочка ваша плывет в лодке Макара к морю, к отцу своему царю Осетру. Хо-хо-хо! Хи-хи-хи!

— Садись на мои зубы, сорока. И перья от тебя полетят, — грозила левая голова.
— Я проглочу тебя, птичка, живьём, — угрожала правая пасть.
— Не обращайтесь на эту болтушку внимания. Вперёд! В погоню за проклятым Макаром! — повелела центральная голова.

И ринулся дракон Горын в погоню за лодкой Макарушки. Закипела вода в реке, волны на берега обрушились. Сайгаки с водопоя разбежались. Гуси дикие с омутов повзлетали.

Но поздно бросился в погоню Горын. Макарка уже выплыл из реки в море Хвалынское, а моря Горын боялся. Там бы его одолело войско царя Осетра.

— Как тебя зовут, русалка? — спросил Макар.
— Я принцесса Марина, приёмная дочь царя Осетра.
— А как же ты попала в реку Яик, во владения мерзкого Горына?
— Заигрались мы с тюленями, не заметили опасности. И не поймал бы меня дракон, если бы я не выпала из хрустальной ладьи.
— Не горюй, доставлю я тебя к батюшке, царю Осетру.
— Мой батюшка тебя отблагодарит щедро, Макарушка.
— А мне и не надо ничего, ежли токмо крабов для моей вороны Дураши. Она у меня, аки боярыня. Изысканные лакомства требует. А я люблю репу, баранью лопатку, ковригу ржаную.

— Скоро третья волна будет, Макарушка. Ты прокличь зов царю Осетру. Изранена я, сил нет, — прошептала русалка.

И на третьей волне кликнул Макарка зычно:

— Великий царь Осетёр! Зажги во дворце зелёный костёр! Пошли за мной упряжку с белугами и другими рыбами-слугами! Поддай мне ладью хрустальную! Покажи страну свою тайную!

Забурлило море, провалилась бездна под лодкою. Подлетели три рыбы-белуги, а в серебряной упряжке — ладья с дверцами. Два краба открыли дверцы. И занёс в ладью Макарушка на руках русалку-принцессу. И унесли их белуги на дно моря Хвалынского, в хрустальный дворец. Не прислушался к советам вороны Макар и пожалел об этом.

Царь Осётр восседал на рубиновом троне. Корона его была облагорожена голубыми сапфирами, аметистами фиолетовыми, агатами дымчатыми, гранатами малиновыми.

— Каким гробом тебя наградить, молодец, за спасение принцессы? — спросил морской царь. — Есть у меня каменные гробы, есть коралловые, медные, серебряные, золотые, хрустальные.

— Для чего мне гроб? Не собираюсь я умирать. Мне надобно домой. Мне бы репу, лопатку баранью, ковригу ржаную...

— Из моего царства живыми никогда не выходят, молодец. Хоть ты и спас принцессу, просит она тебя миловать и наградить, но сотворить сие не можно. Выбирай, молодец, любой гроб и ложись. За великую заслугу могу одарить золотым гробом.

— Ежли гроб, то давай деревянный, — покарябал затылок Макарушка. — И штобы дерево было сухое, сосной пахло. А внутри бархат, шелка заморские, парча, золотом шитая. Ну и одежонку мне справь: сапоги сафьяновые, платье дорогое, шубу боярскую, шапку бобровую. И, само собой, сабельку булатную. Добра у тебя, царь, вижу — много!

— Так тому и быть, — ударил трезубцем царь Осётр. Разлапистые крабы принесли гроб, обитый внутри бархатом, обрядили Макарушку в драгоценные одежды, подали саблю булатную.

Перекрестился Макарка и лёг в гроб. Захлопнулась крышка.

Запокачивался гроб. Унесли его куда-то.

— Вот и сверши попробуй доброе дело! — закручинился в гробу Макарушка. — Штоб у этой паршивой русалки раки хвост отгрызли!

Но почувствовал он, что гроб кверху летит стремительно.

— Должно быть, умер я. И душа моя в рай вместе с гробом летит, — подумал бедолага.

— Ударь в крышку коленом, открой темницу, — услышал вдруг Макарушка знакомый голос русалки-принцессы.

Поднатужился он, отбросил крышку гроба. А кругом море, берегов не видно. И рядом, на волнах, четыре севрюги резвятся, русалка плавает. А в небе луна светлая, звёзды.

— Решила я освободить тебя, Макарушка, вопреки воле отца моего грозного. Плыви на север до устья Яика, а там уж сам дорогу найдёшь. На коня пересядешь.

— Срамно для казака в гробу плыть, вдруг люди узрят. Позора не оберёшься.

Ударил русалка трижды хвостом по волне, и гроб превратился в богатую лодку. Поплыл Макарушка к устью Яика. Русалка и слуги-севрюги до самого берега лодку провожали. Выбрался на сушу путешественник, когда взошло солнце.

Ворона Дураша его встретила.

— Карр! Карр! Где крабы, Макар?

— Прости, Дураша, о крабах я и забыл, хотя мог одного прихватить.

И полетела ворона в казачью станицу, крича и каркая:

— Карр! Карр! Побывал у царя Осетра Макар! И одарил его царь одеждой знатной и саблей булатной! И наградил его царь шапкой боярской, бобровой. И чуть не женил на дочке своей чернобровой.

А Макарушка улыбочиво приговаривал:

— Не так уж глупа ворона. И нет от вороны урона.

Гусярица о казаке Гаркуше

Цветь первая

Крица зреет в горниле, в горении. Слово всходит предвиденьем, всполохом. Кровь у русичей в три поколения остро пахнет полынью и порохом.

Взрокочи, судьба златострунная, и зачни гусярицу казацкую. Будут слушать нас люди старые. Будут плакать и дети малые...

Поднесут нам ковригу духмяную. И солонку, севрюгу копчёную. И серебряный ковшик с брагою. И рушник с петухами алыми. Атаман бросит гривну цельную. Да алтын — голопуп голутвенный. И взлетит, затрубит белым лебедем гусярица велеречивая.

Замолчат волкодавы лохматые, и замрут журавли над колодцами. Приподнимутся горы горбатые, в тучах скроются черные коршуны. И затихнет станица хлебная, окунётся в леса солнце медное. И под пеплом погаснут медленно огомётки в селитроварнице.

Замолчит и стозвонная кузница. И над срубом застынет матица. Зазвучит гусярица былинная, золотая слеза в сердце скатится. И поведают гусли о вольнице, о Гаркуше и звероящере. И о Дуне-колдунье, которая погубила Гаркушу проклятием.

Цветь вторая

Рокотнет гусярица былинная. Золотая слеза в душу скатится. Будет знать мурава зелёная, где земля начиналась казацкая. Как побили Мамаю поганого, князь Димитрий Гаркуше кланялся: приглашал он вольное воинство на хлеба — во дружину славную. Мол, погибли мои соратники, полегли мои други-дружинники. Под рукой, де, не вижу сокола для полёта под солнцем высокого. Князь был светел, душой не кривителен. Звал в Москву

на места медовые. Обещал он татарскую скарбницу и дарил серебро столовое. Обещал он хоромы тесовые и кормёжку до смерти сытую. Предлагал он великие почести, зря в боях обещал не испытывать.

А Гаркуша-казак так ответствовал:

— Нам не можно жить под болярами. Мы измлада свирепо разбойные. Не годимся для службы княжеской. Мы уйдём воевать на окраины для татар наказанием божеским, поелику рассеяны нехристи, и трепещут после побоища.

За Гаркушу цеплялась девица, заманиху-траву в тюрю сыпала. Казаки Дуню дёгтем мазали, в курьих перьях валяли рогатиной. Ворожбу Дуня древнюю ведала, колдовским обладала понятием. Девка бросила чёрную молнию, казаков окатала проклятием.

— Чтоб вы сдохли в чужбине, охальники! В ковыли упадут ваши черепа! Будет нищим-слепцом вечно мучиться атаман за отступ, за глумление!

А Гаркуша смеялся раскатисто, повелел девку грязью забрасывать. Чтоб не смела пужать предсказаньями, ворожбой заниматься пакостной. И увёл атаман войско буйное через волок Волги-матушки. Триста стругов из Дона синего грозно двинулись к морю Хвалынскому.

Цветь третья

Триста стругов по Волге-матушке хищно ринулись к бурному Каспию. Откупилась оброком Астрахань. И ушли казаки до Яика.

Змей Горын проживал на Яике — зверогадина мерзко трёхглавая. Встретил змей казаков громким хохотом. Поединка аспид потребовал. Я, мол, Дива убил могучего, с вами ж делать мне просто нечего. Я не ведаю лакомства лучшего и питаюсь давно человечинной.

Да, питался тот змей человечинной. Но ордынцев не ел — видно, брезговал. Взял Гаркуша саблю булатную и кольчугу надел железную. Взял Гаркуша пику пудовую и корчагу с горючей жидкостью. Казаки атаману смелому снарядили коня тяжёлого.

Что за жизнь? Из огня да в полымя! Кто помолится за пропащего? И с восхода до жаркого полудня отражал атаман звероящера. Где скончанье сражению страшному? Где для бегства хотя бы лодица? Помогла Гаркуше уставшему пресвятая Мать Богородица!

Отступил звероящер к берегу, стихли рыки его несуразные. И увидел Гаркуша девицу, ту, что дёгтем и грязью мазали. Снизошла она между грозами по чудесно сброшенной радуге. В туюсье подала сок берёзовый и цветок-одолень в красной ладанке.

Как испил казак соку чистого, так воспрял молодецкою силою. Конь цветок-одолень почувствовал, заиграл воинственно гривой. Налетел Гаркуша на аспида, снёс ударом клыкастые головы. И корчагу с горючей жидкостью бросил он на Горына павшего.

Пригвоздил он Горына пикою. Изрубил на куски горящего. С той поры на великом Яике и не стало трёхглавого ящера.

Цветь четвертая

Как не стало трёхглавого ящера, долго не было времени хмурого. Но дошла беда и до Яика. С юга выползло войско Тимурово. И горели степи хайсацкие, полыхали станицы мирные. И отважно жены казацкие выходили в сражения с вилами. Брали отроки пики лёгкие, помогали отцам и братьям. По упавшим в сече не плакали, не склонялись к погибшей матери. Навалилась тьма, злое воинство. Закружились над степью вороны. Кто терял в сече руку правую, принимал саблю в руку левую.

И пришельцы в той битве падали в ковыли, от пожара бурые. В бой летели полки отчаянно, бил Гаркуша орду Тимурову. Но лихие эмировы лучники ослепили Гаркушу стрелами. Атаману глаза повыбили, чтобы плакал слезами кровавыми.

Всем своя звезда предназначена. Прокопытила конница ярая. И осталась от войска казачьего после битвы ватага малая. Одолели пришельцы силою, конным строем, мечами, латами. И дрожали детёшки сирые, и юницы, что в дебрях прятались.

Люди, вы и в печали возрадуйтесь. Сердце девичье верностью выросло. Та, которая шла по радуге, с поля брани Гаркушу вынесла. И ушли казаки в кущи тёмные, отступили в болото смрадное. До Железной горы — кости белые. Велико было поле ратное.

Цветь пятая

Велико было поле ратное. Сорок лун прокатились медленно. Но весна пробуждала радости, и ласкало детей солнце медное. Годы шли и огнём, и топотом. Счастье есть на земле не для каждого. Жил Гаркуша слепой безропотно до прихода Гугни отважного. И жила с ним женой обвенчанной Евдокия его прекрасная. Та, которая шла по радуге, та, которую грязью мазали. Ах ты, поле казачье, полюшко! Душу топчешь не токмо ратями. Умерла Евдокия от горяшка, от вины за своё проклятие.

Хлеб указан, дерюга овчинная. Посох есть и плетёные лапотки. Бог Гаркуше велел не кручиниться, гусяром стать велел на Яике. Жил сто сорок лет неприкаянно седовласый песняр Гаркушенька. На увале, у Бабы каменной, мы в походе былину слушали.

Вновь проплачет струна малинова. И над срубом застынет матица. Зазвучит гусярица былинная. Золотая слеза в сердце скатится.

Васька Гугня

Много баек о Ваське Гугне. Мол, по отваге он ушёл в казаки. Да не так дело было. Служил он у боярина в дружине. А молодая жена Гугни боярыне прислуживала. Хорошо и сытно им жилось. За одним столом с боярином обедали.

А у боярыни было золотое кольцо с дорогим сапфиром. Однажды исчезло кольцо. Сорока его утащила из боярской светлицы. Залетела сорока в открытое окошко и похитила сокровище. Все хоромы перешарили слуги — нет кольца!

Заподозрила боярыня жену Васьки Гугни. И схватили её. Били и пытали огнём, рвали клещами кузнечными до смерти. Бросили в яму и Ваську Гугню. И его пытками увечили, кожу сдирали лентами.

Но удалось Ваське Гугне сбежать ночью. И ушёл он в казаки, ватагу собрал смелую. Вскоре напал атаман Гугня с ватагой на усадьбу боярина. Казаки подожгли хоромы боярские. А боярина с боярыней к дереву приторочили для казни.

Подбежал тогда мальчонка к атаману, кольцо золотое с камнем показывает.

— Где взял? — спросил Гугня.

— У сороки в гнезде! — ответил мальчонка.

Взял Васька Гугня кольцо, бросил его в кострище.

— Не надо мне добра вашего! — сказал атаман.

Боярин увидел кольцо, почернел от горя и помер. Не дождался казни злодей. А боярыня с ума сошла. Бросили её казаки в кучу с навозом и ушли к Дону.

А как Васька Гугня на Яик пришел — байка другая.

Былина о Гугенихе-Гугнихе

«Гугнихе было тогда 90 лет, выйдет, что она родилась в 1480 году».

А. С. Пушкин

Цветь первая

Над землёй окрайной на Яике, где погибла ватага Гаркушина, две звезды появились яркие. Злая сила была порушена. Злое зло поросло повиликою. И судить в степи было некого. Васька Гугня с Дона великого разгромил орду Ногайбекову.

Будет песня о том величая. Зря глумилась рать оголтелая, что под Гугней — кобыла чалая, а под ханом — кобыла белая. У ордынцев прела баранина, и в клетях пели птицы райские. Но бежал Ногайбек израненный, бросил жён и шатры татарские.

И пробился Гугня до Яика, взял с добычей котлы ордынские. Вой ждали доли не маленькой и в ковыльном краю борзо рыскали. А на Яике, на Горыныче, токмо рыба была в избылии. Горевал Гугня:

— Горе нынче нам! Для чего же ногайцев избили мы?

Гугня лошадь стреножил чалую, опустил грустно голову буйную. Казаки атаману печальному притащили татарку юную. Атаман загремел на товарищей:

— Где вы взяли поганку грязную? Я иду через смерть и пожарища, а не мирные свадьбы праздную. Не утратим же, други, обличие! Круг напомнит суровым голосом, что в казацком законе, обычае — жён и чада казнить перед промыслом. Тех, кто будет водиться с бабами, мы посадим на кол осиновый!

Но угрозы те были слабыми, а татарка была красивая. Может, ведала тёмною силою, может, бабьей травой-заманихою. И прилипла татарка к Василию, стала верной женой — Гугенихою.

Цветь вторая

Две звезды полыхали яркие, ночью в небе хвосты они выгнули. Казаки остались на Яике, крепостушку у речки воздвигнули. Лютень страшен морозами рысьими, но медов сенозарник рощами. Казаки хитроумно возвысили городок в Коловратном урочище.

Бабья доля, как в море судёнышко: то нырнет, то над бездною заново. В городке стала красным солнышком Гугениха, жена атаманова. Кто-то прятал лепёшки печёные, кто-то радость предвидел в аисте. И злодеи клубились чёрные — было много шипенья и зависти.

Голутвяк на дуване скаблится и подначивал Гугню знаками. Атаман, мол, у нас обабился, он страшится Мурзы с хайсаками.

Бытие теплоносно не каждому. Одиноко жилось и солоно. Но однажды ватага отважная триста девок отбила из полона. На юницах шелка хорасанские, а невесты рыдали и ахали. И везли их купцы астраханские на базары, в гаремы шаховы.

Бусурмане были собаками, но зачем — из огня да в полымя? Не зазря молодницы плакали — с казаками опасней, чем в полоне. Страхолюдом не стать человеками, лучше выпустить кровушку каплями. Перед грозной тропой и набегами рубят жён и детей они саблями!

Горемыки те синеокие все побаски о Гугне ведали. И от истины были далёкими, трепетали лживыми ведьмами. Казаки жён казнили не в ярости, а сужденья в напраслине — прыткие. Убивали родных по жалости, дабы враг не замучил пытками.

Степь копытила конница лавою. Что же нужно для счастья полного? Удальцы без похода кровавого триста девок отбили из полона. Казаки гоготали, как лешие, изменить в божьей воле нечего. Но юниц они поутешили: мол, в обычаях всё изменчиво!

И землянки повырыли тёплые, и поставили избы добротные. Женихи на свадьбах затопали, замычали и в стойлах животные. Паки рожь золотистая над пашнями, шёл казак за сошкой старинною. Появилась и птица домашняя, и пеклись пироги с осетриною.

Две звезды полыхали яркие, а судьба была за туманами. Освящала свадьбы на Яике Гугениха, жена атаманова. И ходила между укреплениями, и поила гостей рассолами Гугениха — лепо-прелепая, черноокая и весёлая.

Цветь третья

Над землёй казачьей на Яике, над могилой горбатой Гаркушиной две ночные кликуши провякали. Прорицание звёзд подслушали. На закат за полынным волоком лебедица рухнула с песнею. Есаулы ударили в колокол, наострили струги на Персию. На дуване раздумье трудное:

— Что же деять мы станем с бабами? Порешим в одночасье судное иль ордынцам оставим на пагубу? Городок теремами вымахал. Сколько ж будет и смерти, и ужаса? Ведь Мурза о походе вынюхал, где-то рядом хайсаки кружатся.

Но у Гугни бунчук в движении:

— Бог поможет, и всё перемелется. Я нарушу закон-положение, на убивство рука не осмелится. И уйдём на врага мы весело. Но оставим утешно женщинам сечку ржаную, порох плесенный, самопалы и пушку с трещиной.

А цвететье летело хлопьями. Казачата ревели сырые. Бабы падали в ноги с воплями:

— Нет, уж лучше убейте, милые! Порубите клинками каждую! Под пищали поставьте затинные!

У кого же рука отважится души так вот губить невинные?

Встрепенулись хоругви совами, вёсла в берег ударили брызгами. Заскользили струги тесовые вниз по Яику — в море Хвалынское.

Провидение миром двигало. Много было для сердца нежданного. Вслед махнула платком индиговым Гугениха, жена атаманова. И ушли казаки на Персию. Но оставили то, что обещано: сечку ржаную, порох плесенный, самопалы и пушку с трещиной. Замерла стрекоза на щавеле, стало солнце во хмари тусклое. Казаки городок оставили, и детишек, и поле русское.

Цветь четвёртая

Как ушли казаки на Персию, закружились враны, закаркали. Степь исторгла хищную бестию, появился Мурза с хайсаками. Бабы вышли в укрепления с ружьями, там остожья атели всполохом. Гугениха кричала:

— Подруженьки, набивайте ручницы порохом!

А толмач зудил над казачками:

— Мы живем и Аллахом, и славою. Кровью бабьей мы руки не пачкаем. Сдайтесь клонно, змеюки вилавые! И кумыс опьяняющий вылакав, мы не рушим Корана древнего. Мы сыночков убьём ваших, выроdkов, но не тронем отродия девьего!

Гугениха смеялась:

— Кто в запани? Подходите поближе, любезные! Встренем вас мы пищальными залпами, пушка плюнет сечкой железною!

Дети малые выли под окнами, кто-то в страхе метался беспamięтно. Но рыгнула мортира огненно — сто ордынцев упали замертво. И казачки гибли под стрелами, агнецов оставляли сиротами. Облака были белыми-белыми. И металась орда за воротами.

Ты, песнярь, в гусярице вырази, как становятся бабы дивными. Из укрепов казачки вылезли и Мурзу закололи вилами. И орда в солонцах рассеялась, разбежалось отребье трусое. Молодицы пылали смелостью в яркой битве за поле русское. И сказания будут известными, как врага разгромили поганого. Как стреляла из пушки треснутой Гугениха, жена атаманова.

Слёзы Алтыншаш

Татарин Абдулла кочевал в степях на левом берегу Яика. Выломился он из хайсацкой орды. Хайсаком он был, наверное, а не татарин. Но тогда всех ордынцев называли татарами. Жена у Абдуллы была полонянкой, русской. Но свыклась она, новое имя приобрела — Алтыншаш.

Алтыншаш — значит, лунноволосая, золотокошая. Абдулла не обижал жену. Жили они дружно. Пасли стадо баранов. Трёх верблюдов имели, юрту кошмяную да табунок низкорослых коней.

У Абдуллы и Алтыншаш детишки малые были. Забот много. Но Алтыншаш иногда печалилась. На закат поглядывала. Там полыхала в пожарах её родина — Русь.

Однажды мимо стойбища Абдуллы шел караван Мурзы. Гнали ордынцы в Хиву для продажи русских юниц. А одна среди них умом тронулась. То мяукает, то кукарекает, то кипятком плеснёт в лицо охраннику. А одного ножом в живот ткнула, он и помер.

Не знали ордынцы, как избавиться от умалишенной. На хивинском базаре безумную юницу никто не купит. И порешили ордынцы убить полонянку.

— Пожалейте бедную! — заступился за пленницу Абдулла.

— Если тебе её жалко, купи! У тебя, Абдулла, всего одна жена. Аллах позволяет нам иметь по четыре жены. А какая она красивая и весёлая! Мяукает, кукарекает, гавкает, как собачонка! — гарцевали на конях ордынцы.

Алтыншаш притащила овцу:

— Берите! Оставьте нам убогую!

Так вот и попала дурочка в стойбище Абдуллы. Сначала Алтыншаш думала, что блаженная будет помогать по хозяйству. Но вскоре рукой махнула. Девчонка кукарекала, размешивала соль в халве, мясо бросала в огонь, а тестом обмазывала собаку. Какой с неё спрос! Оставалось только молиться богу. А жить стало трудно и голодно. Шайка Мурзы на обратном пути разграбила юрту. Даже скот угнали. Оставили одну кошму.

Дурочка же бродила по оврагам и лескам, питалась кореньями, яйцами из птичьих гнёзд. Правда, стала она тихой. Ни с не разговаривала, иногда мычала тоскливо.

Однажды блаженная принесла полное лукошко золотых самородков.

— Где ты это нашла? — допытывалась Алтыншаш.

Но дурочка ничего не смогла объяснить.

— Да нам большего и не нужно, — воскликнул Абдулла. — На это золото мы купим десять верблюдов, стадо овец, новую юрту и табун иноходцев.

Через неделю блаженная принесла еще одно лукошко солнечных самородков. И стал Абдулла самым богатым человеком. На старости лет он совершил путешествие в Мекку. А дурочка, говорят, утонула. Бросилась с крутого берега в речной омут и утонула, стала русалкой. Алтыншаш долго плакала по блаженной на берегу реки. И слёзы её

превращались в прозрачные драгоценные камушки. Люди находят эти камушки до сих пор. И называются эти камушки — слёзы Алтыншаш, слёзы лунноволосой.

Мухомор

Приснилось Макару-плотнику, будто встретился ему в лесу громадный-прегромадный гриб-мухомор. Не гриб, а изба. И окна есть со створками и ставнями расписными. И крылечко с перилами и навесом. И дверь входная. А крыша круглая, красная, с белыми крапинами. Чудная-пречудная хата!

И затосковал Макар с тех пор. Не хотелось ему жить в обычной избе. Заготовил он тёсу и начал строить новый дом. Дивились соседи задумке Макара-плотника. Возводит он хоромы круглые, без углов. А крыша, как шляпа у гриба. И уж совсем стал смеяться народ, когда хозяин раскрасил крышу. Хотя труба печная торчит, но крыша-то красная, с белыми крапинами. Мухомор получился.

Смех смехом, а каждому хотелось побывать в чудной избе. И повалил народ валом к Макару. Вытрут ноги о вехоть люди, поднимутся на крылечко, стучатся в дверь:

— Позволь, Макарушка, осмотреть светлицу твою?

Хозяин гостей принимал, на лавку усаживал, квасом угощал. Угощений особых не было у хозяина. Но люди шли к нему. Печку ощупывали, в оконца выглядывали. И засиживались, байки слушали.

Стал завидовать Макару шинкарь. Пришел он однажды к Макару и говорит:

— Продай мне избу свою чудную, мухоморную. Ни к чему тебе красные хоромы. А я кабак в этой хате открою. Нет у тебя прибýtка от избы, а я быстро разбогатею. И тебя не забуду, озолочу.

Но Макар не продавал свой терем. Боле того, вырыл он во дворе колодец. А навес над колодцем изладил тоже круглым, да раскрасил под мухомор. В станице скоро крещёное имя Макара забыли. Все звали его Мухомором.

— Здравствуй, Мухомор! — кланялись ему бабы.

— Как живешь, Мухомор? — спрашивали казаки.

И детишки при встрече с умельцем-плотником радовались, прыгали, кричали:

— Мухомор, Мухомор, уведи нас в тёмный бор! За малиной увлеку, усади нас на пеньки. Надломи орешину, покажи нам лешего! Будем вместе мух морить, будем сказки говорить!

Славен был дед Мухомор не токмо избой-теремом, но и сказками. И услышите вы скоро сказки деда Мухомора.

Корзинка со сказками

Дед Мухомор не обманет людей никогда. Лучше на гривну убытку, чем на алтын стыда!

Так вот приговаривал дед Мухомор, когда продавал на ярмарке свои узорочно плетёные корзинки. В походы с казаками дед давно не ходил. Не брали старого даже в обозы. Потому и плёл он корзинки для продажи. На кусок хлеба зарабатывал. Но сначала никто не хотел покупать корзинки деда Мухомора. Очень уж много он запрашивал за свои изделия: за каждую корзинку — по рублю. А в те времена гуся за три копейки продавали. А корзинки были по грошу на любой ярмарке.

Люди посмеивались над дедом Мухомором, атаману жаловались. Мол, по какому праву дед цены такие заламывает за свои жалкие корзинки? Как-то атаман подошел к деду Мухомору:

— Сколько просишь за эту вот корзинку?

— Целковый серебром! — ответил дед.

— Почему так дорого? — спросил грозно атаман.

— Энта корзинка с улыбками! Полная корзина улыбок, радости, — раскланялся Мухомор.

— Но ведь корзинка пустая! — возразил атаман.

— Энто тебе кажется, что корзинка пустая. А ты вот купи её, атаман. Жена и детишки твои будут целый день смеяться. Корзинка полна смеху.

Атаман задумался. Что-то давно в его хоромах никто не смеялся. Неужели правда, что корзина полна смехом и улыбками? Заплатил атаман целковый серебром, принёс корзинку домой. Жена и детишки ластятся к атаману, подарков ждут. А он говорит, что, мол, купил корзинку с улыбками, за рубль серебром. Жена с детишками рассмеялись. До слёз хохотали. И на другой день смеялись, и на третий... На целую неделю смеха хватило.

Вся станица вскоре прознала, что дед Мухомор не обманщик. Но некоторые люди не поверили атаману. Мол, какой-то здесь подвох таится. Самым умным в станице считался писарь. Пришли казаки к писарю: рассуди, де, нас. Неужели корзинки деда Мухомора взаправду наполнены смехом?

— Болтовня это! Ежли бы я принес такую корзинку домой, никто бы даже не улыбнулся! — сказал писарь.

— Побьёмся об заклад! — протянул руку писарю дед Мухомор.

— Согласен! Ставлю десять червонцев золотом! — согласился писарь.

Начал писарь выбирать корзинку:

— Сколько за эту просишь?

— Семь червонцев золотом! — ответил дед Мухомор. Ахнула толпа, зашумела.

— Ты с ума спятил? — начал заикаться писарь.

— И копейки не уступлю! — заупрямился дед Мухомор.

— Нисколько не смешно, — подумал писарь.

Вытащил он из-за пояса кошель, отсчитал деду семь золотых червонцев, взял корзинку. А детишки и бабы бросились толпой к дому писаря с криками:

— Писарь корзинку купил за семь червонцев! Корзинку со смехом для писарихи! С улыбками для писарят!

Жена писаря с детишками на крыльцо выскочила. И начала она хохотать, руками по бёдрам хлопать:

— Ратуйте, люди добрые! Муженёк-то мой рехнулся! За семь червонцев можно табун иноходцев купить, ковры персидские! А мой благоверный корзинку приобрёл! Ха-ха-ха!

Тут и писарю стало смешно. Упал он на траву-мураву и начал хохотать. А люди пошли к деду Мухомору покупать корзинки. Брали корзинки для удачи, корзинки к дождю грибному, корзинки с ветром — зерно провеивать, корзинки с улыбками, корзинки для колядок рождественских.

А нам досталась корзинка со сказками. Дед Мухомор не обманет людей никогда. Лучше на гривну убытку, чем на алтын стыда.

Через речку по радуге

Была у деда Мухомора внучка Настя. Любила она в лесу грибы собирать. Но лес был за речкой, а с лодкой Настя плохо управлялась. На берег лодку вытащить силёнки не было. Однажды вышла из лесу Настя, а лодки нет. Унесло лодицу течением. Сидит Настя на берегу и плачет:

— Как я домой вернусь? Солнце уже к закату катится. А в небе тучи чёрные. А в лесу звери хищные.

Погоревала-погоревала Настя и пошла вдоль реки по берегу. Может, бревно найдется. Или лодку на отмель где-нибудь ветром прибило. Но ни бревна, ни лодки Настя не нашла. Увидела она дерево. А к дереву была приторочена верёвками женщина.

— Помоги мне, юница! Освободи меня! — простонала пленница. — Меня злой колдун на погибель обрёк.

Но вокруг дерева летали упыри страшные. Собирались они растерзать женщину, кровью упиться. Настя отогнала упырей хворостиной, развязала узлы тугие, освободила обречённую.

— Спасибо, юница! — поклонилась женщина Насте.

— Кто ты такая? — спросила Настя.

— Я — волшебница Берегиня. А на съедение упырям меня обрёк злой колдун Берендей. Чем отблагодарить тебя, юница?

— Мне бы лодку найти, — вздохнула Настя. — Я домой хочу, а лодицу унесло.

— Не горюй, — ответила Берегиня. — Подарю я тебе своё ожерелье. Как тронешь левым мизинцем алую бусину, так возникнет радуга. Иди по радуге, как по мосту. И лодка тебе не нужна. А ожерелье моё никогда не снимай, оно тебя от всех бед оградит. А когда потребуется помощь моя — тронь правым мизинцем голубую бусину.

Надела Настя волшебное ожерелье, тронула мизинцем алую бусину — и сразу радуга через речку легла. И пошла Настя по радуге, как по мостику чудному.

Бабы в станице увидели, что Настя по радуге через речку идёт. Прибежали они к деду Мухомору:

— Дед Мухомор, твоя внучка ходила в бор?

— Ходила, — говорит дед. — Где-то нет её, заблудилась, чать. Как возвернётся, отхлещу крапивой.

А бабы пальцами в небо тычут:

— Гляди, дед Мухомор! Твоя Настя по радуге идет!

— Ну и что! — ответил дед. — Ежли бы по воде шла, было бы диво. А по радуге и дурак пройдёт. Да и лодку, значит, потеряла. Придётся похлестать озорницу крапивой.

Но не побил дед Настю крапивой, пожалел. А Настя с тех пор ходила в лес через речку, по радуге.

Охота за царской грамотой

Вродивый кличет, крамола: откуда у казачества воля? У мужиков — работа, у казаков — свобода! Для пахарей токмо мякина, для казаков — осетрина. Не любят казаков и дворяне. Завсегда казаки с бунтарями.

И в лето Господне 1613 года прислал царь Михаил Фёдорович послов на казачий Яик. Послы атаману кланялись: мол, просит государь казаков присоединиться к Руси. Но есаулы послов выпроводили, сами в Москву отправились. И стали они торговаться с государем: мол, готовы мы, казаки, соединиться с государством русским, ежели получим царскую грамоту. Да и в долгу ты, государь, перед нами. Наш казак яицкий, Ермак, для Руси Сибирь завоевал.

— Что же вы просите, казаки? — спросил царь.

Казаки и ответили:

— Дай нам грамоту охранную, государь! Что воля наша будет вечной. Что атаманов мы сами выбирать будем всегда. И подати не будем платить, но с оружием защищать Русь будем!

Посоветовался царь с дьяками и дал такую грамоту казакам. И та грамота с печатью царской сорок лет висела под стеклом в казённой избе Яицкого городка. Но бояре от государя втайне умышляли ту грамоту изничтожить или похитить. Ненавидели бояре и дворяне казаков.

Несколько раз тайные лазутчики бояр пытались выкрасть царскую грамоту. Но ловили их казаки и казнили. Тогда позвали бояре на подмогу чёрта: мол, помоги, сила нечистая! Не можно нам, боярам, перехитрить казаков. Мол, запродадим тебе мы свои души, токмо выполни нашу просьбу. И согласился чёрт на чёрное дело. Принял он облик шинкаря, прибыл на Яик с бочками вина.

Но атаман сразу предупредил чёрта-шинкаря:

— Ежли мои дозорные уснут от вина твоего на страже у казенной избы, то казню тебя! На костре сожгу!

Пройдоха-чёрт начал торговаться с атаманом:

— Да! — говорит, — прибыл я, дабы царскую грамоту похитить. Хотел подпоить стражу вином. Но давай сговоримся с тобой, атаман. Мне, чёрту, потребно выполнить поручение. Ежли не я, кто-то другой исполнит. А можно всех перехитрить. И грамота у вас останется!

— Как же мы всех перехитрим? — крутнул ус атаман. Чёрт и говорит:

— А ты, атаман, спрячь грамоту царскую в медный сундучок. И закопай, схорони сундучок на сто лет у себя в подполе. А я подпою вином дозорных у казенной избы. И устрою пожар. Все подумают, что сгорела царская грамота вместе с казённой избой. Ничего ведь от этого не изменится.

— Ни к чему мне игры энти и хитрости! — отмахнулся, было, атаман.

Но чёрт начал угрожать:

— Тогда я, атаман, открою всему миру твою тайну. Ты ведь спрятал с есаулами казачью казну.

— Ка-какую ка-казну? — начал заикаться атаман.

Чёрт улыбнулся:

— Двенадцать бочек золота, двадцать серебра да кувшин с драгоценными самоцветами! Я знаю, атаман, где казна укрыта, но мне не требуется золото. Я за душами охочусь. Мне боярские души нужны. А души запродаанные я получу, ежели бояре поверят, что царская грамота сгорела!

Боярские души атаман не жалел. И пошёл он на сговор с чёртом. Спрятал атаман царскую грамоту в медный сундучок. И укрыл он тот сундучок в утайном схороне. А чёрт подпоил вином стражу и поджёг избу казённую.

И поскакали в Москву гонцы с вестью, что случился пожар в Яицком городке. Будто сгорела на дуване казенная изба с царской грамотой. Так вот и завладел обманно чёрт боярскими душами.

А царская грамота в медном сундучке до сих пор цела-невредима. И утайная казачья казна — двенадцать бочек золота, двадцать серебра и кувшин с камнями самоцветами — спрятаны, говорят, у Магнит-горы.

Всё это не сказка. Не пустой разговор. Но знает о кладе токмо дед Мухомор.

Пушкарь Егорий

Возле самого синего моря, во славном городе Гурьеве жил блаженный пушкарь Егорий. Иногда отливал он пушки-пищали из меди и продавал их казакам. А блаженным Егория прозвали потому, как он лепил и mortarы шутейные, из глины. Соорудил дед Егорий крепость из камней. И поставил перед ней сто пушек глиняных. Глина — не медь, не железо. Из глиняной пушки не выстрелишь. Развалится пушка.

И проходили мимо крепости корабли. И смеялись купцы:

— Егорий блаженный к войне готовится. Пушки из глины лепит!

Но хитроумный Егорий наладил однажды из меди громадную пушку о двенадцати стволах. Привёз он громадину огнепльную во свою крепостушку. И обмазал он mortarу глиной. Да заготовил порох, сечку железную и ядра убивные.

А бусурмане в то лето порешили разграбить амбары гурьевские. Купцы им поведали, что место богато, а обороны нету. Мол, стоят пушки там, но из глины вылеплены. Сели на корабли бусурмане, подплыли к берегу казачьему. И сошли они с войском, с барабанами оглушными, с хоругвями бусурманскими.

Казачи залегли в цепь с пищалами-ручницами, с ружьями самодельными. Но войско нехристей двинулось не на казаков, а на крепостушку Егория. Перекрестился атаман с печалью:

— Вот и погибель пришла к нашему Егорию-блаженному. Поднимут его бусурмане на пики.

А Егорий набил порохом стволы пушки-страшили. Зарядил он их сечкой железной и ядрами. Но на один ствол не хватило сечки. Тогда Егорий вытащил из-за пояса свой кошель с червонцами золотыми. И зарядил он ствол монетами золотыми да гривнами серебряными.

Зажёг пушкарь на решётке подвижной все двенадцать фитилей. И ждёт, не стреляет. Подошло войско вражье кучно. Вплотную почти к шутейной крепостушке Егория.

— Сдавайся в полон, воевода! — крикнул толмач Егорию. — Мы помилуем тебя! Будешь воду возить в нашем обозе!

— Не подходите, выстрелю! — заломил шапку пушкарь.

— Ха-ха! У тебя же пушки из глины! — засмеялись бусурмане.

А Егорий отвечал:

— Зарядил я пушечку динарами, да царскими ефимками, да гривнами серебряными рублеными!

— Мы на кол тебя посадим! — разгневался визирь бусурманский.

И ринулось вражье войско на крепостушку Егория. А он подвинул коловорот с горящими фитилями к запалам пушечным. И загремела устрашительно mortarа. И полетели убивно из стволов сечка железная, ядра и червонцы золотые. Полвойска бусурманского сразу замертво полегло. А визирю глаз динаром выбило. Тут и казаки с боков стрелять начали. Полк из засады вылетел конно. Всех бусурман перебили.

Подошёл атаман к Егорию с поклоном:

— Сколь потребуешь, пушкарь, с казны войсковой за mortarу о двенадцати стволах?

Покарябал Егорий затылок и ответил:

— Давайте полушку за пушку. Пойду в шинок. Куплю винца кружку!

И отдал писарь из казны казачьей Егорию медную полушку.

Лубянка

«Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле, мертвые не слышат ничего, так и я не слышу жесточи и пытки» (заговор от боли на дыбе — С.М.Соловьёв «История России с древнейших времен»).

Устроили как-то казаки засаду, ловушку для вражьего войска. А вороги тоже хитры. Остановились и не идут через овраг, где засел казачий полк с ружьями. Атаман собрал круг: мол, как быть? Один старый казак, Охрим, поклонился кругу и молвил:

— Надобно вылазку конную свершить малыми силами. И одному казаку сесть ухитрительно на худую лошаде́нку. Али упасть с коня, дабы взяли враги в плен. Станут враги, само собой, пытать огнём пленного. А пленный казак помрёт в пытках, но не скажет правды. Так и попадут враги в засаду нашу.

— А кто пойдёт на погибель? Кто выдержит пытки? — зашумели казаки.

Охрим в ответ говорит:

— Того, кто пойдёт на погибель, я научу заговору от боли на дыбе. Известна мне такая молитва-лубянка. Прошепчешь заговор, и олубенеют руки и ноги, и лицо, и тело. Никакой боли не учуять!

Ещё больше зашумели казаки:

— Не рассказывай байки, старый хрыч! А ежели ты колдун, то иди на пытки сам!

Старый казак не хотел пойти на погибель. Мол, давайте бросим жребий: на кого выпадет, тот и пойдет помирать за товарищей. И бросили казаки жребий. И выпал жребий на Ивашку, сына Охрима.

Тогда Охрим вздохнул горько: негоже погибать молодому, де, пойду-ка я лучше сам, вместо сына. Никто не возражал супротив замены. И пошёл старик на вылазку. И упал с коня ухитрительно. И попал в плен к ворогам.

Долго пытали они старого казака:

— Говори, где полк казачий с пищалями?

— В городке! — отвечал он.

Жгли огнём на дыбе Охрима, рвали клещами. А он шептал:

— Лубянка, лубянка, лубей спозаранку. И тело лубяно. И сонно, и пьяно. Стрелец не робеет, казак не болеет. Лубянка лубеет, лубянка грубеет. Птицы, взлетайте! Ползите, улитки! Выдержу жесточи, вынесу пытки. Могила — земляника. И камень — лубянка. Лубянка, лубянка!

Бросили вороги истерзанного пленника в степи. Мол, он рехнулся. Да и сам помрёт после страшных пыток. И пошли войском через лесистый овраг. И попали в засаду вороги, погибли.

К вечеру после боя казаки подобрали измученного пытками Охрима. От него выучили колдовской заговор. С тех пор казачата бегают по станицам и приговаривают:

— Стрелец не робеет, казак не болеет! Лубянка лубеет, лубянка грубеет! И ранка — обманка! И камень — лубянка!

Подкова на счастье

Шли как-то казаки конно через великую степь. А чтоб не заблудиться, не отклонялись от попутных сайгачьих троп. И на одной тропе конь атамана Нечая потерял подкову. А подкова была не простая — серебряная. По приметам, терять подкову — к

несчастьем. Погоревал-погоревал атаман, а делать нечего. Не возвращаться же с полпути! Походный кузнец прибил атаманову коню новую подкову. Но уже не серебряную, а обычную — железную.

И сбылась примета. Захватил Нечай богатый город Хиву. А хана в крепости не было — он с войском в набеге был. Три дня гуляли казаки в Хиве. Но ускользнул из Хивы к хану гонец на быстром иноходце.

Вернулся хан и настиг уходящих из Хивы казаков. Ханское войско всю ватагу казачью изрубило. Погиб в сече и атаман Нечай. Удалось уйти в плавни от гибели лишь нескольким юнцам. Отсиделись они в камышах, поймали вольных коней в степи и направились домой. Неделю едут, вторую, третью. Так вот и проколесили в солончаках три месяца. Заблудились.

Замельтешилась перед ними смерть — от голода и холода. А троп сайгачьих много. По какой тропе пойти, никто не знал. И вдруг увидел один отрок на тропе серебряную подкову.

— Подкова Нечая! — воскликнул он.

Спасла юнцов-казачат серебряная подкова атамана. Вывела их эта тропа к Яику, к дому. С тех пор и прибывают найденные в степи подковы у входа в хоромы. И говорят:

— Подкову найти — к счастью!

Колода

Лежала возле криницы старая колода. Была она велика, как лодка. Когда-то из колоды казаки лошадей поили. Начерпают бабы воды из колодца, наполнят колоду. Ждут своих казаков из дозора. Много лет продолжалось так. Но однажды высох колодец, и стала колода трескаться, чернеть. А криницу в другом месте вырыли. Мешать стала людям колода.

— Надо бы её распилить на дрова! — говорили одни.

— Гордится колода, что на глазах у народа! — насмеялись другие. — Сжечь её, негодную!

— Пушай лежит для забавы детишкам, — сказал атаман.

Колода чуть не расплакалась от счастья: пожалел её атаман. Но как отблагодарить атамана? Долго думала колода. И ничего не придумала — плохо соображала она. Колода и есть колода! И ничего бы не изменилось, если бы не обрушился на станицу страшный паводок.

Пришла большая вода валом, а казаков нет в куренях. В поход они ушли. Плачут бабы с детишками. Коровы погибельно мычат. Поплыли хаты в потоке. И кто где спасается: кто на крыше приютился, кто на упавших воротах качается, как на плоту.

Плыла по бурному паводку и старая колода. И возле казённой избы свалилась в колоду с крыши маленькая дочь атамана.

— Держись, не ёрзай, а то опрокинемся. И не плачь, я к сухому берегу выплыву! — успокоила юницу колода.

Так вот и спасла старая колода малолетнюю дочь атамана. Много радости у отца было. А колода лежит до сих пор на дуване возле церквушки белокаменной. И сидят старики на колоде, вспоминают былины казачьи. Вспоминают и приговаривают:

— Вот эта колода помнит. Вот эта колода видела.

Летающее корыто

Жил Данилка с бабкой, не было у него отца и матери. Бабка не обижала внука. Блинами потчевала, поила молоком козьим. Бегал юнец в лес и на речку, верблюжонка своего купал. Но был один запрет для Данилки: не позволяла бабка ходить в кладовку, где валялось старое корыто. Ничегошеньки не было в чулане, окромя треснутого деревянного корыта. Но закрывалась кладовка замком. Ключ от замка в печурке хранился.

Ходили по станице слухи, будто бабка летает по ночам в корыте. В одно воскресенье уехала бабка на ярмарку. Данилка взял ключ из печурки и открыл ржавый замок. Отворилась дверь в чулан. А там, над корытом, паутина. И громадный чёрный паук.

Данилка не испугался, однако. Взял он кочергу, зацепил корыто и вытащил его из чулана в сени, затем на крыльцо. Стал Данилка корыто осматривать, ощупывать. Корыто как корыто. Выдолблено из дуба. Можно в нем плавать, как в лодке. Потащил Данилка корыто волоком к речке — рядом речка была, сразу за огородом. Столкнул корыто в воду и начал отгребаться кочергой, будто веслом.

А корыто вдруг оторвалось от воды и начало взлетать. Вот уже и выше избы. И выше сосны.

— Куда лететь повелишь? — спросило корыто у Данилки.

— За белыми грибами! — шмыгнул носом Данилка.

И полетело корыто над бором. Опустилось оно на поляну, а там белых грибов — глаза разбегаются. Набрал Данилка боровиков почти полное корыто. Сам еле-еле примостился.

— Полетели домой! — приказал.

Корыто вернулось к хате, на крыльцо мягко село. Данилка перетаскал грибы в плетёный короб. Взял он топор и снова сел в свой самолёт.

— Куда лететь повелишь? — спросило корыто.

— В лес полетим, по дрова!

Нарубил Данилка в лесу дров, нагрузил целую поленницу, вернулся во двор. Сложил он дровишки у сарая, взял серп и снова сел в корыто.

— Куда лететь повелишь? — послышался опять знакомый голос.

— На луг у поймы. За травой для козы и верблюжонка. Так вот и копешку сочной травы доставил для хозяйства Данилка.

И снова сел в корыто.

— Куда лететь повелишь? — так же спросило оно.

— На ярмарку, к бабке — чай, ей тяжело там с покупками. Поможем!

Прилетело корыто на ярмарку, кружится над базаром. А народ кричит, волнуется:

— Чудо какое! Диво-дивное! Агнец в колоде порхает! Уж не второе ли пришествие?

Кто-то на колени упал, молится. А другие начали камни швырять в Данилку. Присело корыто возле бабки родной. Запрыгнула она шустро и корзину с покупками бросила на растерзание толпы.

— В чулан! — крикнула бабка.

И взлетело корыто над ярмаркой, поплыло под облаками к дому. Бабка за ухо Данилку теребнула:

— Вот и оставь тебя, дурачка, без присмотра!

А когда вернулись домой, подобрела бабка. Увидела она и копну травы, и дрова, и короб грибов белых.

Живая вода

Кто знает, какая вода бывает? Вода чёртом тертая — вода мёртвая! Бывает вода для питья и мытья. А я — знахарка, блинами жирую, пью воду живую! Кто же нашел живой родник? А нашел его озорник!

Сел как-то Данилка верхом на козу, ухватился за рога и так вот выехал в степь. А коза побежала, как резвый конь. И увезла Данилку за солонцы и полынные гряды, за холмы и болота — далеко-далеко. К полудню цепкий всадник надоел козе. Она взбрыкнула, сбросила седока и убежала.

Хотел мальчонка домой пойти, а не знает, в какую сторону. Заблудился, значит. Наугад пошел он, а вскоре стон услышал в кустах чилиги. Пошёл осторожно и видит — лежит маленький верблюжонок, на боку рана от волчьих зубов.

— Спаси меня, помоги! — простонал верблюжонок.

— Чем же я помогу тебе? — спросил Данилка.

— Пройди к солнцу сто шагов. Там родник с водой живой. Принеси мне живой воды, дай глотнуть. И на рану мою брызни, — умоляюще посмотрел верблюжонок на мальчонку.

Прошёл Данилка сто шагов. Видит, из белого камня струйка голубой воды катится. А рядом кувшин валяется, но — дырявый. Данилка залепил глиной дыру в кувшине, набрал воды, побежал к верблюжонку.

Тут коршун с неба свалился, крыльями машет, клювом угрожает, когтями к лицу тянется. Кружится хищник, пытается кувшин из рук выбить, но Данилка от него палкой отбил.

Через десять шагов на Данилку шакал бросился, и гиена завывала. Но шакал взвизгнул после удара палкой, а гиена в полыни спряталась. Клубок змей чёрных на пути появился, но Данилка перепрыгнул через гадюк.

Побрызгал он живой водой на рану верблюжонка, напоил его из ладошки. И оживился двугорбый верблюжонок, рана его затянулась. Встал он на ноги.

— Садись, Данилка, на меня! Я тебя домой отвезу. Не найдёшь ты один дорогу, а солнце к закату катится.

Сел Данилка на верблюжонка и добрался до своего куреня. С тех пор они всегда вместе. Друзья Данилкины на конях скачут, а Данилка — на верблюжонке. И не могут кони в солончаках и песках обогнать верблюжонка. Тайно возит Данилка живую воду из родника, а бабка лечит этой водой хворых баб, детей. И казаков, в боях поврежденных. Но никто не ведаёт, где находится волшебный родник. Знают об этом лишь говорящая ворона Дураша, бабка Дуня-колдунья да дед Мухомор.

Аршин-татарчонок

Жили в избе старик со старухой, питались тюрей-заварухой. Бабка молилась да на печи елозила, а дед забрасывал сети в озеро. Закидывал сети старик и приговаривал:

— Мабуть, и у нас будет жирное варево. Ох, пресвятая Мать Богородица, почему же рыбка не ловится? Либо невод худ, либо нет её тут.

Но однажды затяжелела сеть в глубине. Обрадовался старик:

— Должно быть, рыбина попалась громадная!

Вытащил дед невод и удивился: в сетях был большой кувшин. Очистил рыбак кувшин от водорослей и тины, принёс добычу домой.

— У кого ты корчагу эту украл? Выбрось её! Али поставь в чулан, — начала браниться старуха.

Но старику было интересно узнать, что хранится в кувшине. Горловина кувшина чёрной смолой запечатана. Расковырял дед печатку, открыл горловину. И вылез из кувшина юнец. Такой баской, кудрявый отрок, но очи — раскосые.

— Господи! — перекрестилась с испугу бабка. — Кто это тебя, мальчик, утопить порешил? Как тебя зовут, бедный? По виду ты татарчонок.

— Меня зовут Аршин. Запечатал меня Кощей в кувшин. Спасибо вам, что освободили меня из темницы! — поклонился юнец.

— Нам и покормить тебя нечем, — засуетилась старуха. — Нет ничего, кроме тюри гречишной.

— Живи у нас. Будешь нам внуком, хоть ты и татарчонок, — сказал дед. — Вырастешь — казаком станешь.

Так вот и прижился у деда с бабкой Аршин-татарчонок. Он и дрова колот, и воду носил из колодца, и ходил с дедом рыбу ловить. И в станице все полюбили Аршина за нрав добрый и весёлый. Но не рассказывал он никому, почему хотел его погубить Кощей. Знал обо всем только соседский отрок Данилка.

Как-то дед сидел на завалинке, солнышком грелся. Вдруг отворилась калитка, зашёл во двор со свитой Кощей пещерный.

— Как поживаешь, дед? — спросил Кощей.

— Жив, но не твоими молитвами! — спокойно ответил старик.

— Где мой кувшин? Отдай мой кувшин! — клацнул зубами Кощей.

— Бери свою корчагу. В чулане она, — усмехнулся дед.

Кощей вытащил во двор кувшин и закричал:

— Это ты, старый, освободил Аршина-татарчонка? Где он? Говори, а то хату твою огнём спалю. И тебя распну. И старуху твою в куче навоза похороню!

Бабка услышала крики. Слезла она с печи, вышла на крыльцо:

— Не говори, старик, злодею, куда ушёл Аршин-татарчонок. Мы с тобой пожили — и помирать не страшно. Не выдавай губителю нашего Аршина.

Кощей ударил жезлом о землю. Свита нечистая заковала в цепи старика со старухой.

— Несите их в пещеру мою! Буду я их морить голодом и холодом, а после брошу в котёл с кипящей смолой! — распорядился Кощей

И свита нечистая унесла старика со старухой в Кощееву пещеру. И сидела сова на сосне, очами моргая.

А как Аршин и Данилка спасли старика со старухой — это сказка другая.

В пещере Кощея

Подружились Данилка и Аршин-татарчонок сразу, хотя и жили на разных краях станицы.

— У моей бабки лежит в кладовке летающее корыто! — похвастался Данилка. — Могу взять и тебя в лес. Слетаем на корыте за белыми грибами. А можно махнуть в медвежий малинник. А можно и на ярмарку.

— Давай слетаем лучше в пещеру Кощея. Я знаю, где логово злыдня. За то, что я нашел его укрытие, он меня в кувшин запечатал. И в озеро бросил. Бойтся Кощей, что я поведаю людям о его сокровищах.

Вытащили сироты-озорники из чулана летающее корыто. Данилка первым сел в него, за ним шустро и Аршин-татарчонок.

— Куда лететь повелите? — спросило корыто.

Данилка растерялся — он ведь не знал, где находится пещера Кощея.

— Полетим туда, сам не знаю куда! — сказал Данилка.

Но Аршин-татарчонок затараторил:

— Полетим за горы-леса, где рождаются чудеса. Где медведи отлиты из меди, где парчу и обновы несут для коровы. Где из камня растёт борода, а на троне сидит Балда. Где хлеб сеют, не жнут, где каждый и нищий, и шут. Где порушена правда и вера, где огонь изрыгает пещера!

И полетело корыто через леса и горы. На одной поляне Аршин и Данилка увидели козу и волка. Коза отбивалась от зверя, но волк наседал, кусал козу. Она блеяла жалостно, чужая погибель.

— Спасём козу, — сказал Аршин.

— Выручим, — согласился Данилка.

Корыто опустилось на поляну. Аршин и Данилка бросились к волку с палками. И попятился волк, убежал.

— Прыгай в корыто, коза! Полетим с нами, а то ведь волк вернётся, — погладил козу Аршин.

Скакнула коза в корыто. И полетели они втроём через овраги и холмы. Неожиданно из-за облака выпорхнула в ступе Яга, крутнула метлой призывно:

— Куда летите, отроки, ась? Глуховата я, кричите громче!

— Летим в пещеру, бабушка, к злодею Кощею! — ответил Данилка.

— Да, ить, и я к нему. Нам по пути, милые. Вы уж не поспешайте, не торопитесь. А то ваше корыто быстрее моей ступы летит. Вы уж потише! — попросила Баба Яга.

Аршин-татарчонок спросил у Бабы Яги:

— А ты зачем, бабушка, направилась к злодею Кощею?

— С челобитной я, с жалобой. Евойный волк мою козу задрал! — смахнула слезу Баба Яга.

— Уж не твоя ли коза в нашем самолёте, бабуля? — воскликнул Данилка.

— Истинно, моя коза! Подслеповата я, старая, свою козу не узнала. Не могу я жить без моей козы. Отдайте мне козу, отроки! — воздела в небо крючковатые руки Баба Яга.

— Возьми, бабуля, свою козочку, она сама к тебе тянется! — подал козу татарчонок Аршин Бабе Яге.

— Уж и не ведаю, как вас отблагодарить, отроки. Прилетайте в мою избушку на курьих ножках. Угощу вас жареными ящерицами, сушеными жабами, жуками навозными, саранчой, грибами-мухоморами, белыми поганками и беленой.

Вскоре возникла гора лесистая. И увидели Данилка и Аршин вход в пещеру. Охраняли логово Кощея семь каменных воинов с топорами. Приземлилось корыто. И тут же стражники Кощея накинули сеть на Данилку и Аршина — засада была. Скрутили им руки, повели в пещеру. Кощей сидел на медном сундуке возле костра. Над костром в большом котле смола кипела. Данилка спросил Кощея:

— Как ты узнал, Кощей, что мы летим к тебе?

И захохотал Кощей, аж скалы затряслись:

— Ха-ха! Хо-хо! Да я всё наперёд вижу. Выкрал я у юницы Дуняши волшебное зеркало — подарила зеркало Дуне рыба-севрюга. И вот стал я владыкой чудесного зеркала. Во стекле чудесном и узрел я, как вы летите ко мне в корыте.

Баба Яга стояла рядом с Кошеем. Ей было жалко Данилку и Аршина.

— Может, отпустим их, Кощей, ась? — дёргала она Кощея за рукав.

Но Кощей ударил жезлом о камень. И прикатали стражники железную клеть, в которой сидели дед и бабка. Стражники затолкнули в эту клеть Аршина и Данилку.

И удалился князь тьмы. И все разошлись. Ночь скоро наступила. Луна взошла. Летучие мыши и упыри из пещеры на охоту вылетели. Старик со старухой ворчали из клетки на Данилку и Аршина-татарчонка:

— Зачем припёрлись? Теперича всех казнит Кощей. Сидели бы лучше дома.

Но спасла деда с бабкой, Данилку и Аршина Баба Яга. Пришла она, открыла ключом железную клеть.

— Выходите, пленники. Садитесь в своё корыто и улетайте. И зеркало волшебное забирайте. Стащила я его у Кощея. Спит-храпит Кощей.

Сели в корыто дед с бабкой, Данилка и Аршин-татарчонок. И полетели они домой через леса и горы, болота и холмы. А Баба Яга затащила свою козу в ступу, взмахнула метлой и тоже поплыла над лесом к своей избушке на курьих ножках.

Страна чудес — Беловодье

С давних пор говорят в народе про страну чудес — Беловодье. Царство то без царя, без бояр. И земля не земля — божий дар. Там у каждой семьи хоромы, и на дым по четыре коровы. Там простор для овец и козлят. И людей не бьют, не казнят. Там живёт народ справедливый. Где же это диво-предиво?

Пришли казаки однажды к Данилке и поклонились ему:

— У тебя, Данилка, в чулане лежит корыто самолётное. Вот и порешили мы на кругу отправить послом тебя в страну чудес — Беловодье. Забирай своего дружка Аршина-татарчонка и — в путь! Аршину-татарчонку двудвенадцать языков ведомы. Будет Аршин у тебя толмачом. Летите с богом и к шаху персидскому, и к султану турецкому, и к царю-москвитянину, в страну Беловодье. Поглядите, где лучше народ живёт. И возвращайтесь к нам с честным докладом.

Аршин и Данилка взяли мешок жареного проса, кувшин воды, севрюги копченой да старенький тулуп. Постелили они тулупец в корыто и полетели через море Хвалынское.

Вскоре увидели они богатый дворец шаха. А на базаре народу тьма: и купцы, и стражники, и кузнецы, и хлеборобы, и нищие. Шумела толпа, а посеред котел с кипящей смолой дымился. Собиралась шахова стража казнить дервиша за обличения владыки.

— Нет в Персии добра и правды! — вздохнул Аршин.

Полетело корыто с отроками к султану турецкому. Вот уж и минареты показались. А базары были ещё многолюдней и шумней. И на каждом базаре продавали рабов, пленных русичей, детишек и баб. Один воин-турок был посажен на кол.

— За что его на кол посадили жестоко? — спросил Аршин стражника-турка.

— Он весть принёс дурную султану. Прискакал и доложил, что захватили казаки нашу крепость, — ответил стражник.

— Нет у султана добра и правды, — покачал головой Данилка.

— Полетим в Московию, — согласился Аршин-татарчонок.

Москва белокаменная колоколами звенела благостно. Бояре — в шубах собольих, в шапках высоких бобровых. Стрельцы — на конях, с саблями. Опричники — в кафтанах серебряного шитья, а на пиках — головы собачьи для устрашения. Увидели Данилка с Аршином и казнь слона. Опричники стреляли в слона из пищалей, рубили его секирами.

— За что слона-то казнят? — ужаснулись Данилка и Аршином.

Монах-чернец объяснил юнцам:

— Шах персидский прислал царю Ивану в подарок слона. Слон умеет на колени вставать, кланяться. А перед государем нашим Грозным не встал слон на колени. Вот и казнили его. Изрубили секирами за гордость.

— Царь-то, значит, дурак, — молвил Данилка.

Дьяки сыскные тут как тут:

— Кто хулу возводит на государя? Хватай их, волоки на плаху!

Еле ноги унесли Данилка с Аршином. Прибежали они в лесок, где было спрятано их корыто самолётное. Отроки отдышались, набрали орехов лесных, наполнили кувшин свежей водой и полетели дальше. На куполе одной церквушки Данилка заметил отрока с крыльями самодельными. А внизу — толпа, стража. И палач кричит:

— Бросай крылья, Ермолай! Нет позволения на порханье крылатое. Государь и патриарх повелели тебя сжечь на костре. Слезай, Ермошка! Сдавайся! Иди добровольно на казнь! С покаянием иди!

— Не хочу помирать! И тяжка смерть на костре! — плакал отрок. — Помилуйте меня!

Но палач упорствовал:

— Не можно нарушать указа царского. Слазь с церкви. Ползи на казнь с молитвой.

Данилка и Аршин подлетели в своём корыте к золотому куполу храма, где сидел Ермошка.

— Садись к нам, мы спасём тебя!

Тут белое облако накрыло купол храма. И не видела стража, как улетели в корыте Ермошка, Данилка и Аршин.

И поплыло корыто самолётное под облаками через горы и леса, над реками и озёрами в страну чудес — Беловодию. За болотами топкими, за горами высокими, меж семи озер увидели отроки страну чудную. На ухоженных пашнях колосились рожь и ячмень усатый. Бродили на лугах стада тучные. Озера и реки рыбой кишели. Крыши хором были крыты золотом и серебром листовым. Вода ключевая текла в каждый дом по трубам фарфоровым. Стаи гусей жирных траву щипали. А люди ходили в шелках, шапках боярских.

Управлял страной атаман выборный — Беловод.

— Добро пожаловать, добрые молодцы! Садитесь за стол к угощению да поведайте, откуда вы прибыли, — поклонился гостям атаман.

Рассказали Данилка, Аршин и Ермошка о своих скитаниях. Мол, прибыли мы, дабы путь разведать к земле благоденствия.

— Да зачем же вам дорогу знать в Беловодию? От нас никто не уходил ещё. Кто к нам приходит, тот не желает в мир возвращаться! — сказал атаман.

И взаправду, неохота стало Данилке и Аршину возвращаться на Яик. Стали они жить припеваючи. Избу срубили добротную, забогатели. А Ермошке и вовсе нельзя было думать о дороге в Московию. Там бы его сразу казнили по указу царскому.

Но однажды дочка атамана Беловода открыла Данилке тайну:

— Вам неохота покинуть Беловодию, потому как подбрасывают вам в брусничный квас траву приворотную — машок. Не богатство вас держит здесь, не чудеса, а трава-машок! Никто не может одолеть силу нашей травы приворотной! А держат вас тут, дабы не указали дорогу вы стрельцам и опричникам, москвитянам проклятым.

— Почему ты мне тайну открыла? — спросил Данилка.

А дочка атамана призналась:

— Ты мне люб, Данилушка. Согласна я с тобой бежать, ежели замыслишь.

Данилка, Аршин и Ермошка сговорились и перестали пить квас с приворотной травой. Через неделю уже затосковали Данилка и Аршин по дому на казачьем Яике. Сели они в своё корыто самолётное. Полетела с ними и дочка атамана Беловода.

Люди видели корыто в роздыми. А летело оно под звёздами. Всё известно с тех пор в народе про страну чудес — Беловодье.

Дуня-домовуша

Постучался в одну хату странник:

— Мир дому сему! Накорми, хозяйка, путника!

Впустила хозяйка бродягу в хату. Поставила ему на стол щи да краюху ржаную подала. Прохожий поел, отдохнул и говорит:

— Денег нет у меня, платить за привет нечем. Но в благодарность нарисую вам лубок, а то изба у вас грустная, молчаливая.

Вытащил он из холщовой сумы дощечку, краску, кисточку.

— А что ты намалюешь нам? — спросила хозяйка.

— Нарисую я вам домового. Во всех добрых избах есть домовый. Он обычно за печкой живёт, ухватом притворяется. Но когда хозяева спят или уходят из дому, домовый бродит по избе, хату охраняет.

Хозяйка согласилась. Не было домового у них в избе. Странник нарисовал синее небо, солнце, степь зелёную. В степи березка кудрявится, а слева — обломок ствола от старой берёзы, как бы пень. Между пнём и берёзой изобразил художник девочку лет восьми. Стоит она с корзинкой, в лапоточках, платье жёлтое. А косынка красная, в белую крапинку. И передник тоже красный, с крупным белым горохом.

— А где же домовый-то? — спросила хозяйка.

Странник спрятал краски и кисть в мешок холщовый и ответил:

— Это Дуня-домовуша. Теперича она будет жить у вас.

Ушёл путник, и больше никто не видел его. А Дуня-домовуша лукавой была и озорной: то чашку разобьёт, то детишек сажей вымажет. Но хозяйка довольна была — жить стало веселей.

— Где у нас варенье вишнёвое? — ищет она.

А детишки говорят:

— Наверное, Дуня-домовуша съела!

Напечёт мать утром блинов, поставит на стол миску с топлёным маслом. Детишки проснутся на полатах, глаза продирают, радуются:

— Это ты, мама, блинов напекла?

— Нет, не я! Это Дуня-домовуша любит вас, — улыбается мать.

Была семья молчаливой, а стала семья счастливой. Дым из трубы над хатой, хата стала богатой. Растёт возле хаты груша, а в хате живет домовуша.

Маленький Лук

известной пещере, которую называют Каповой, жил когда-то с матерью юнец — маленький Лук. Был он рыжий, конопатый, небольшого роста. А отца у юнца не было — тигр разорвал. Трудно одолеть на охоте тигра, люди редко на тигра нападали раньше. Целыми днями маленький Лук пас овечье стадо. Но иногда ходил он в лес бортничать, добывать мёд. Порой в одном дупле у диких пчел было столько мёду, что его хватало на зиму. Но как только маленький Лук отходил от своего овечьего стада, с неба падал

камнем орёл. И хватал орёл когтями овцу. И уносил хищник добычу на вершину высокой горы, в гнездо. Однажды маленький Лук сказал матери:

— Надо перехитрить орла. Ты, ма, завтра погонишь гурт на пастбище, я же наброшу на себя овечью шкуру, буду ползать в табуне на корточках. В полдень ты оставишь овец, пойдёшь с бурдюком в пещеру. Когда орёл набросится на овечье стадо, я отрублю ему голову кинжалом.

Мать долго не соглашалась:

— Ты ещё маленький, Лук, а орёл большой, сильный. Не одолеть тебе орла, сынок. Рано тебе брать в руки копьё отца и кинжал.

Но Лук убедил мать, что хищную птицу нужно наказать. Как замыслили, так на другой день и исполнили. Когда солнце возвысилось, мать маленького Лука взяла бурдюк с овечьим молоком и ушла в пещеру.

Однако не удалось маленькому Луку убить хищника. Орёл схватил сразу вместо овцы мальчишку и унёс его на вершину горы, в своё гнездо. Бросил орёл Лука на съедение птенцам, а сам снова улетел на поиски добычи.

Птенцы-орлята испугались, когда из-под овечьей шкуры выпрыгнул мальчик с кинжалом. Но ещё больше удивился Лук, увидев двух девочек.

— Как вас зовут, юницы? — спросил он.

— Милена, — ответила одна.

— Снежана, — поклонилась другая.

— Кто вы такие? Как сюда попали? — поклонился девочкам маленький Лук.

— Мы — дочери бога, который одаряет людей судьбами. Наш отец — бог Маш. Он заточил нас в это недоступное гнездо за то, что мы хотели отдать людям волшебное зеркало. Колдовское зеркало может показать, что было с человеком, что с ним будет. Отец оставил и зеркало, и нас навечно в этом орлином гнезде. Мы стрижем здесь принесённых орлом овец и крутим пряжу. Вяжем тёплые одеяла и шали для себя и для орлиного гнезда.

— Вы очень глупы, — заметил маленький Лук. — Почему же вы не изготовите из этой пряжи верёвку? По верёвке можно спуститься с этой скалы и уйти вниз по козьим тропам.

— Это не козьи тропы, а тропы барса. Хищный зверь сразу нас разорвёт. А верёвку мы давно изладили, но она не поможет. Барса нам не одолеть.

— Возьмите свое волшебное зеркало и спускайтесь за мной! — приказал маленький Лук.

Но как только Милена, Снежана и Лук спустились с высокой скалы, послышался страшный рык. Пятнистый барс прыгнул на маленького Луку, но отважный Лук ударил зверя кинжалом в нос. Окровавленный хищник завыл и уполз в расщелину, зализывая рану. Через три дня путники добрались до Каповой пещеры, где плакала и горевала у костра мать маленького Луку.

И зажарили они на вертеле самого жирного барашка. И в меду выложила мать для Милены и Снежаны, а сыну вручила копьё погибшего отца. Этим копьём и пронзил вскоре тигра-людоеда возмужавший Лук. Из шкуры тигра мать пошила накидки для Милены и Снежаны. А вход в пещеру Лук крыл щитом из брёвен. И стали они жить-поживать, по волшебному зеркалу людям и племенам судьбы предсказывать.

Провидец Лук и хан

Старый и седой провидец по имени Лук жил в пещере и предсказывал людям судьбы по волшебному зеркалу. Прослышал об этом один хан и приехал к нему с воинами. А в пещере была баба. Жаловалась она, что у неё корову украли.

— Прими от меня дюжину яичек, Лук, но скажи, кто у меня корову похитил, — хныкала бедная баба.

— Никто не воровал твою корову, баба. Корова твоя заблудилась. В овраге она пасется, за диким бором.

Обрадовалась баба, побежала за своей коровой. Хан рассмеялся:

— Обманщик ты, Лук. Должно быть, ты сам и увёл корову в овраг. Так-то и я могу стать провидцем.

Лук не ответил на насмешки хана.

— Хорошо. А скажи, Лук, как я погибну? — спросил хан. — И говори правду, иначе повелю отрубить башку твою!

Лук глянул в колдовское зеркало бога Маша и ответил:

— Ты умрёшь от черепахи, хан. Черепаха разобьёт вдребезги твою чванливую голову.

Хану совсем смешно стало. Как может неуклюжая черепаха разбить голову воинственному и грозному владыке? Ударил хан старого ведуна плетью:

— За твое лживое пророчество я не дам и алтына! Отберите у этого безумца колдовское зеркало и пожитки. И сорок ударов палкой по пяткам всыпьте старику!

Воины разграбили пещеру Луки, отобрали у него волшебное зеркало. Хан бросил зеркало с крутого берега в реку Яик. И почернела синяя река, замутилась.

Ханская тьма подожгла ячменное поле Луки, угнала скот, а колодец забросала падалью.

— Прощай, лукавый Лук! Мы больше никогда не увидимся! — крикнул хан с холма.

С тех прошло много лет. Много воды утекло. И хан иногда говорил нукерам за кумысом:

— А вы помните ли, подданные мои, того старого вруна из пещеры? Как он ничтожен!

И все кивали угодливо, поддакивали.

Как-то караван хана проходил мимо моря. Владыка сошёл с коня, присел на валун. А в это время над берегом моря пролетал орёл с черепахой в когтях — орлы любят черепашее мясо. Но неудобно птицам хищным клевать и отдиирать черепашее мясо от роговидного щита. И орлы часто бросают черепах на округлые прибрежные камни, чтобы раздробить твердый панцирь.

Орёл принял лысину хана за блестящий камень и метко сбросил черепаху прямо на голову владыки степей. Так и погиб тот, кто не верил пророчествам ясновидящего Луки. А дошла эта повесть до нас от знаменитой бабки Гугнихи-Гугенихи, праматери казачьего рода на Яике.

Волшебное зеркало

Пошла как-то Дуня зимой к полынье бельё полоскать. Полощет она рушники петухастые, скатерти льняные, рубахи белые. Выполоскала Дуня бельё, выжала и в корзину побросала. Собралась домой пойти. Но неожиданно всплыла в полынье рыба-севрюга. И сказала рыба:

— Помоги мне, красна девица. Торчит у меня в заушине острога. Ослобони меня от мучений тяжких.

Дуня вытащила острогу из хряща, бросила её в прорубь.

— Спасибо, девица! Чем вознаградить тебя за моё спасение?

— Бог с тобой! Ничего мне не надо, — отмахнулась Дуняша.

— Подожди, девица! Я достану тебе со дна сокровище, зеркало волшебное, — промолвила рыба-севрюга.

И ушла она под воду, а вскоре вернулась. Зеркало круглое принесла, в золотой оправе. Дуня приняла подарок, но засомневалась:

— Для чего мне это царское зеркало? Я девушка бедная, не пыжливая.

— По этому зеркалу можно судьбы людям предсказывать. И траву целебную в степи угадывать, — объяснила рыба.

Вернулась Дуняша в избу, забралась на полати и шепнула зеркалу:

— Скажи мне, зеркало, где мой суженый живёт? И когда мой суженый свататься придёт?

Зеркало показало сына атамана. И сказала зеркало:

— Придёт свататься к тебе сын атамана, но ты откажи ему. Не будет у тебя с ним лада и житья.

И снова в зеркале лик появился — сынок шинкаря. И провещало зеркало:

— Подарки богатые принесут свахи от шинкаря, а ты не принимай дары. Гони свах в шею, но жди, когда посватается к тебе пастух Егорушка.

На другой день ввалился в избу атаман со своим сыном.

— Принимай гостей, Дуня! На сговор пришли. Завтра свах пошлём. Согласна ли ты, сирота бедная, с сыном моим повенчаться? — потирал руки атаман.

— Простите меня, бедную, но согласия дать не могу. И не кланяйтесь более! — ответила Дуня.

— Ты рехнулась, девка! — рассердился атаман. Взял он сынка за руку и ушёл. Дверью хлопнул. Через три дня три говорливые свахи заплыли:

— Ах, какой у нас товар! Не товар, а божий дар! Ежли не в запарке, принимай подарки! Сафьяновы сапожки, изумрудны брошки. Шёлковый платок, пряников пяток. Много разного добра и две гривны серебра. Откровенно говоря, мы к тебе от корчмаря. У него жених-сынок, будто ангельский звонок...

Но Дуняша выставила свах за порог. Свахи шли по улице и кричали:

— Девка с ума сошла! Живёт сиротой неприкаянной, а от богатого жениха отказалась. Надобно в отместку посватать её за голутву. За нищего пастуха Егорушку.

Пришли свахи к Егорушке и говорят:

— Нравится ли тебе, Егор, сирота Дуня?

— Жалею я её, — вздохнул Егорушка.

— Согласен ли послать нас с поклоном к Дуняше? — расхихикались веселые свахи.

— Согласен, — кивнул пастух Егорушка. — Но нечем свах благодарить.

— Да мы задаром сходим! — заторопились свахи-насмешницы.

Постучались они снова к Дуняше:

— Есть у нас для тебя женишок — Егор. Всё богатство его — во степи бугор. А ещё у него кнут пастуха да курятник без кур, без горластого петуха.

— Согласна я пойти с ним под венец, — поклонилась Дуняша свахам.

Свахи ушли, а Дуняша в зеркало волшебное глянула.

— Скажи, зеркало, какова будет судьба Егорушки, ежли он женится на мне?

И ответило вещее зеркало:

— Будут в доме вашем лад и богатство до седьмого колена. Будет Егор казаком славным. Изберёт его казачий круг атаманом. И проживёт он сто лет с Дуней, со знахаркой казачьей, колдуньей.

Изумрудные рога

В большом сосновом бору обитался сохатый. Самый обыкновенный лось. Но рога у него были необычные — изумрудные. За такие рога можно было приобрести полцарства.

Узнали про этого лося от странников и шах персидский, и султан турецкий, и князь московский. Послали владыки в бор свои дружины, охотников, дабы сохатого изловить или убить. Окружили охотники бор дремучий, в барабаны бьют, собак пустили. Но велик был дикий лес, болот много. И долго не могли собаки взять сохатого в тесное окружение. Попадались воинам, визирям и пашам лоси, но не с изумрудными рогами. Таких сохатых охотники не трогали. Мясо лосиное в ту пору никто не ел. Много было другой дичи.

Но всё-таки кольцо охотников с каждым днем сужалось.

— Шаху персидскому рога изумрудные достанутся! — кричали визири-кызылбаши.

— Султан турецкий — наместник Аллаха на земле. Всё ему принадлежит, — отвечали воинственно паши.

— Бор примыкает к земле русской, а вы морем пришли. Не ваше это сокровище! — возмущались княжеские дружинники. Но, в конце концов, вошли охотники в сговор: мол, убьём сохатого, а рога разломаем на ветви, поделим на три равные части. Однако все тайно надеялись первыми захватить рога изумрудные и ускакать с добычей в свою землю.

А в глухомани бора, среди болот, жил отшельник с внучкой Олесей. Через топи они ходили легко, в плетёных из камыша болотоступах. Жили в землянке, грибы собирали, ягоды, орехи. Лён и просо сеяли весной на склонах бугра. Вот на этот островок и прибежал загнанный сохатый.

— Какие красивые у тебя рога! — воскликнула Олеся, увидев лося.

— Изумрудные! — грустно покачал головой сохатый. — Поэтому и охотятся за мной. Не вырваться мне, наверное, из окружения. Смертный час наступает.

— А ты сбрось свои драгоценные рога. Все лоси рога сбрасывают, — посоветовал дед-отшельник.

— Не могу, — вздохнул в ответ лось. — Бог Велес приговорил меня носить эти изумрудные ветви две тысячи лет. Но умру и раньше, если рога отнимут.

— А кто тебя научил говорить по-человечески? — погладила сохатого Олеся.

— Не лось я, а юноша, Святогор моё имя. В сохатого меня превратил Велес. Заколдовал за то, что я влюбился когда-то в одну из его дочерей. И напороочил он мне невесту с подшитыми чунями.

— А я могу тебя спасти, — обняла за шею сохатого Олеся.

— Как же ты одолеешь тьму воинов-охотников? — усомнился дед-отшельник.

— Очень просто. Я размешаю серую глину с клеем из рыбьей чешуи и покрашу изумрудные рога. Охотники не разгадают эту хитрость.

Намешала Олеся глину с пеплом в берёзовом туеске, разбавила смесь клеем из чешуи стерляди. И покрасила кисточкой из беличьего хвоста изумрудные рога пришельца.

Взобралась Олеся на спину сохатого. И побрёл лось через болото навстречу охотникам — тогда на прирученных лосях люди часто ездили. Увидели охотники Олесю на сохатом.

— Эй, юница! А не видела ли ты такого же зверя, но с рогами изумрудными?
— Видела, — махнула рукой Олеся на закат солнца. — Туда он пробежал, а за ним волки гнались.

Повернули охотники коней и поскакали бешено.

А сохатый тут же уронил рога. И превратился он в прекрасного юношу Святогора. Так уж было предречено.

Вернулись Святогор и Олеся на островок к деду-отшельнику.

— Прошу руки твоей внучки Олеси, — встал на колени юноша. — А рога тебе, старик, дарю. Изладь из них украшения, продай.

— Благословляю вас, — прослезился дед. — Отдаю тебе Олесю в жёны. И приданого кучу: три туюска с вишней сушёной, две вязанки белых грибов, горсть орехов да подшитые чуни.

Корзина

Некий старец брёл по станице, а в небе гроза гремела. Дождь по крышам барабанил, градины изредка падали. Старец стучал в окна, в двери домов, но путнику не отвечали. А иногда отмахивались:

— Иди с богом, а то кобеля с цепи спущу!

Постучался промокший странник в последнюю халупу на окраине. Хата бедна, соломой крыта. Жила в убогом домишке юница Марфуша. Она плела из ивы корзины и продавала их на базаре.

— Заходи, дедушка, — поклонилась путнику девица.

Она отложила в сторону недоплетенную корзинку, усадила странника на лавку. Выставила на стол шаньги, молока топленого налила в кружку. Старец поел, отогрелся и говорит:

— Платить мне нечем. Но за добро сплету тебе чудо-корзинку.

— Чем же она будет чудна? Али узорочьем? Али величиной? Али видом не округлым? — пропела Марфуша.

А путник улыбнулся:

— Да будет чудна корзинка не узорочьем, не обширностью, не видом хитроумным и вычурным. Чудо само проявится, когда время наступит. Но запомни: корзинка любит меру! Сломаешь плетёнку, пропадет её чародейство!

Изладил странник корзинку. А погода уж прояснилась. Солнышко засияло, радуга мостом через речку перебросилась. Воробьи зачирикали. Ласточки закружились. Коровы на лугу замычали. Наступила благодать божья. И ушёл дед своей дорогой.

Марфуша на слова старца о корзинке внимания не обратила. Думала, пошутил человек. Но однажды пошла она в лес за земляникой. Соберёт горсточку ягод — и в рот. Соберёт другую — и опять съест. Наелась Марфуша земляники, присела на пенёк и подумала:

— Вот бы корзинка моя сама земляникой наполнилась!

Зажмурилась Марфуша, а когда глаза открыла, то удивилась: корзинка была полна крупной, спелой ягодой.

Стало ясно Марфуше, что корзинка у неё волшебная. И легко, радостно стало жить. Пойдёт Марфуша на базар и загадает:

— Вот бы корзинка моя наполнилась пряниками медовыми! И несёт юница домой пряники. И детишек соседских угощает. Как-то Марфуша задумалась:

— Вот бы в корзинке моей кошелёк с червонцами золотыми появился!

И возник в корзинке кошель с червонцами. Марфуша купила корову. Наняла она плотников. Плотники крышу избушки тесом покрыли. Ставни резьбой изукрасили. Красное крыльцо с перилами изладили.

Была у Марфуши родственница, тётка. Никогда раньше эта тетка Марфуше не кланялась. А как разбогатела юница-сирота, так и тётка в гости зачастила. Расплакалась как-то перед Марфушей родственница:

— Подказала бы мне, как богатой стать! У меня, ить, семеро лавкам. Перебиваемся с хлеба на квас.

Пожалела Марфуша детишек родственницы. Дала она тётке корзинку, рассказала про свой секрет. Жадная тётка тут же побежала на базар. Торопится она, спотыкается и падает. А сама думает лихорадочно:

— Марфуша-то дурочка! То ягод принесет в чудо-корзинке, то пряников, то кошель с червонцами. А я вот сразу: пусть корзина наполнится с бугром золотыми слитками!

Тут же корзина стала тяжелой. Затрещала она, упала тётке на ноги и развалилась. Тётка завывала, на колени рухнула, начала золото сгребать в кучу. Но золотые слитки превратились в камни.

Не знала жадная тётка, что волшебная корзинка меру чтит.

Пряха Акуля

Жила девица Акуля в землянке. Жильё топила по-чёрному. Не было у неё даже денег на лампадку с фитилем. Кормилась она старой прялкой с одним колесом: посеет лён, срежет его осенью серпом, помолотит и прядёт всю зиму нити плетёные, крутит их в клубки. Прялок в казачьей станице было много, но никто не умел так отбеливать пряжу.

Рушники и скатерти у Акули белее снега. И пахли они долго степью, васильками. Алели вышитыми тюльпанами. А рубахи были ещё волшебнее. Поранят казака в битве, он лежит, умирает. Разорвут те рубахи на полоски, перевяжут кровавые увечины. И — чудеса! От Акулиной пряжи оживали казаки. Не гноились глубокие раны, зарастали быстро.

Однажды привезли казаки к Акуле сына атамана. Весь он был изрублен в набеге.

— Излечи меня, Акуля! Ежели выздоровею, женюсь на тебе! — прошептал сын атамана. — Клянусь!

Пряха выходила сына атаманского, на ноги поставила. А молодец не захотел жениться на бедной пряхе. Родители его отговорили.

— Не ко двору ты нам, — сказал он. — Зело ты нища и убога, а клятву я дал в неразумении больном.

Поплакала Акуля и успокоилась. А вскоре налетели ордынцы на Яицкий городок. Отчаянно оборонялись казаки, сотнями погибали. Молодца, сына атаманского, пронзило двенадцатью стрелами. Принёс на руках храбрый атаман своего сына к пряхе Акуле.

— Спаси, Акуля, чадо моё! Ежли оживишь, женю его на тебе. А за прежний отступ нас прости. Не в богатстве суть жизни.

Пряха обиходила сынка атаманского, перевязала его травами и своими чудными холстами. К полнолунью выздоровел жених. И через неделю пришли свахи от атаманова дома, богатого куреня. Принесли они поклон, шелка и червонцы золотые.

Но не приняла их пряха Акуля. Сказала она им грустно:

— Ниточка оборвалась! Поздно.

Дудочка Николушки

Казачья жизнь на Яике была богата рыбой. Особенно на зимней ловле. Вырубил казак во льду окно и шарит багром в глубине. Ищет ятову-яму, где осетры спят зимой на дне реки. Всплывают осетры на семь пудов. Полусонны рыбины, хоть руками бери. Удачливые ловцы брали за один выход по десять-двенадцать осетров. Возами везли богатство. Но не каждый казак имел право на ловлю.

Тех, кто в походы немочен, стариков и юнцов-сирот к багрению не допускали. Не можно было осетрить шинкарям и даже служителям церкви. А Николай-Николушка был звонарём в храме, звоном колоколов играл он благостно. Очень уж хотелось ему попасть на зимнее багренье, но нельзя никому пойти супротив решения круга казачьего.

Можно было, однако, получить право на зимнее багренье. Кто наберёт летом куль васильковых лепестков, того зимой допустят к багрению.

Васильковые лепестки нужны были казачьему войску, из них порох делали. Смешай селитру с углем — получишь чёрный порох. Смешай селитру с лепестками васильков — получишь синий порох. Синий казацкий порох сильнее пороха черного. Но велики казачьи холщовые кули. В такой мешок корову затолкать можно. Да и любой семье не набрать за лето куль лепесточков от синих цветков-васильков. Старухи и дети летом собирают васильки. Подсушивают цветы, мнут и провеивают. Но по мешку за лето редко набирали. Казна войсковая васильковую цветь покупала. Иногда исхитрялись люди. Три-четыре очага объединят сбор васильковый, а сдают от одной семьи. Так вот и получали право на зимнее багренье осетров.

Звонарю Николушке не с кем было объединиться. И ладил от безысходности певучие дудочки. Однажды — без волшебства, случайно — получилась у него дуда необычная. Заиграл на дуде Николушка, а птицы летят к нему, несут в клювах лепестки васильков.

Так вот и стал ходить в степь Николушка с дудочкой. Сядет он в кустах чилиги, скатерть перед собой разбросит, начинает играть на дуде. И все птички божьи летели к Николушке, все несли лепестки васильковые.

Ко дню Симеона-летопроводца набрал Николушка два куля синего пуха. Порохомес в селитроварне принял богатство, доложил атаману о старании звонаря. И получил право Николушка на зимнее багренье. Взял он на Рождество в проруби трёх осетров, а в каждом осетре по десять пудов!

И стали завидовать Николушке люди. Забогател звонарь. Некоторые говорили:

— Так и дурак разбогатеет. Играет на дудочке, а птицы на него работают!

Как-то подошёл к Николушке хитрый шинкарь:

— Приходи в мой кабак. Задаром угощу винцом. Поиграй на своей чудесной дуде.

Замыслил шинкарь подсыпать сонного зелья в кружку с вином: мол, выпьет Николушка отравленного вина, уснёт, а я у него похищу дудочку. За морем за такую дуду можно получить бочонок золота!

Однако Николушка не пошел в кабак — вина он, разумный, не пил. Шинкарь попытался выведать тайну дудочки: как она у тебя излажена? Но звонарь Николушка и сам не знал тайны. Пробовал вырезать точно такую, но ничего не получалось. Не откликались птицы на игру других дудочек.

Однажды и вовсе оплошка вышла. Сготовил дуду, заиграл в степи, а из нор змеи выползли. Николушка не сразу заметил гадюк, а увидел и перепугался. Бросил он в чулан бесовскую дуду, которая приманивает гадюк, и долго она там валялась в пыли и паутине.

А владелец кабака не успокоился. Был в станице один пришлый казак-пропойца. Бедствовал пьянчужка. Шинкарь и говорит ему:

— Выкради для меня у Николушки дуду его чудесную. Я дам за то пятьдесят царских ефимков.

За пятьдесят золотых в те добрые годы можно было записаться на вечное поминание. В литейный сенаник в монастыре Сергия. За пятьдесят царских ефимков можно было выкупить у султана казака, своего пленного родича. Мужика чёрного бояре продавали за четыре рубля. Гусь три копейки на ярмарке стоил.

И согласился пропойца на злое дело. На пасху, когда играл колоколами Николушка, проник вор в избу звонаря. Нащупал он в чулане дудочку, принёс её шинкарю. Но не та была дуда. А шинкарь дудочку за моря вывез. Стал он хвастаться перед купцами:

— Заиграю в дуду, и птицы прилетят.

Дунул шинкарь в дудочку, а из-под камней змеи выползли. И начали плясать кобры. Рассмеялись купцы. Но один чародей заморский купил у шинкаря дуду мерзкую. Сто динаров заплатил. Не остался шинкарь в убытке.

Так вот и обогатил звонарь Николушка шинкаря, казака-пропойцу и чародея заморского. Но и сам не остался в бедности. Каждый год получал право на зимнее багренье осетров.

А прошло с тех пор триста с гаком лет. И давно на свете Николушки нет, а в каком скороне его дуда — не узнает жадный мир никогда!

Телега-самокатка

Божий мир наполнен чудесами. Не за горами, не за лесами дымила печными трубами казачья станица с названием Неудивлянка. И жили в станице неудивляне. И ничему они не удивлялись.

Поймал Ермошка осетра на двадцать пудов.

— Ну и што! Эка невидаль! — усмехнулись неудивляне.

Нашёл Ермошка добрый рудник, наплавил серебра сорок пудов. И покрыл он серебром крышу своего куреня. И золотого петуха на гребень крыши водрузил. И ставни дивной резьбой изукрасил. И две медные пушки у ворот поставил. Но казаки даже не заметили стараний Ермошки. Проходят мимо степенно. О житье-бытье говорят и спрашивают:

— Што нового, Ермолай?

Тогда Ермошка изладил каким-то чудом телегу-самокатку. Телега как телега. Четыре колеса, две оглобли дугой скреплены. Колокольцы звонкие под узорочной дугой. Но катилась она сама и в гору, и под гору без лошади. Сядет Ермошка в телегу, щёлкнет кнутом и едет: и в лес по дрова, и на ярмарку, да и просто так...

А казаки смотрят на телегу и рассуждают:

— Оглобли маненько кривые.

— И колёса скрипят, надобно дёгтем смазать.

— И колокольчики дребезжат, нет у них напевного звону!

Иногда неудивляне обращались к Ермошке:

— Подвези, подбрось до ярмарки. Там, бают, телеги необычные продаются.

Кошовки.

Ермошка возил казаков на своей телеге. Только ветер в ушах свистел.

— Поосторожней, Ермолай. Бабу оглоблей не задень, — говорили мужики.

Так никто и не спросил у Ермошки, почему телега ездит сама, без лошади.

Чертовы сапоги

Старый казак Охрим тачал в избе сапоги. Но не сказал он:

— Господи, помоги!

Забыл, значит, перекреститься перед делом добрым как положено. Однако обувка получилась славной. Береста между подошвой и кожаной стелькой. Для скрипу береста, для прочности. Намажь такие сапоги дёгтем, и шагай — хоть в шинок, хоть в рай. Но Охрим сердился. Рука у него срывалась. Раз уколол шилом палец. Второй раз. Третий...

— Чёртовы сапоги! — не выдержал казак.

А чёрт в это время мимо куреня проходил, услышал, обрадовался.

— Значит, мои сапоги! — усмехнулся он.

И странные события стали происходить после этого. Проснулся однажды Охрим ночью, решил курятник проверить: не забрался ли хорёк? Что-то уж больно бешено собака лаяла. Хотел обуться Охрим, а сапог нет! Исчезли!

— Должно быть, крепко я спал. А вор пробрался в горницу и утащил мои новые сапоги, — подумал старый казак.

Погоревал он, покручинился, да и снова лёг спать. А утром сапоги оказались на месте, но заметно было, что кто-то в них по глине ходил. На следующую ночь обувка опять пропала, а к утру появилась.

— Чудеса! — разводил руками Охрим.

И решил казак на третью ночь не спать, следить за сапогами: мол, кто же их берёт? Не спит Охрим, глаза прищурил. Луна в окошко глянула. Петух на полночь пропел. И вдруг сапоги встрепенулись. И пошли сами, потихоньку. Сами дверь в сени приоткрыли. Сами с крыльца прыгнули и пошли себе по улице в сторону кладбища. Идут сапоги, приплясывают. А Охрим крадётся за ними. Притопали сапоги на кладбище, а там шабаш силы нечистой. Скелеты на гробах пляшут, черти с кикиморами вино пьют. Сплошное безобразие. Сапоги сразу в пляс пустились. Кикиморы завизжали от восторга. Баба Яга завывала.

Подошёл старый казак к костру, где главный чёрт восседал. На вертелах лягушки жарились. Леший свежих червей на блюде подавал.

— Выпей горилки, Охрим! — подал чёрт чарку.

— Супротив горилки возражений не имею! — крякнул казак.

Какая-то кикимора лягушку ему поднесла.

— Пакостью не питаюсь, — отмахнулся Охрим.

— А ты зачем пришёл? — спросил чёрт.

— За сапогами, — степенно ответил казак.

Главный чёрт хлопнул в ладоши, и леший принёс новые сапоги. Из красной кожи, с серебряными шпорами. Охрим сапоги принял. Вроде в самый раз.

— Повеселись, казак! Попляши вот с этой красавицей! — ткнул волосатым пальцем сатана в кикимору.

— Больно уж страхолюдна. И в тине вся. Левый глаз соломой заткнут, — брезгливо поморщился Охрим.

— Ну, возьми, привереда, вон ту молоденькую кикимору. Она и мхом ещё не обросла, — указал чёрт на другую красавицу.

— У этой чучелы ноги кривые. И зело страшенькая. На огород поставишь — и репа расти не будет, — выпил вторую чарку казак.

— Сам-то ты на кого похож, старый хрыч? Лешего не краше! Твоей образиной медведей пугать можно! — подбоченилась молоденькая кикимора.

— Не будем ссориться по пустякам, — наполнил опять чарку сатана...

И не запомнил Охрим, как он домой вернулся. Проснулся казак в хате своей, а рядом стоят плетёные соломенные чуни. И старуха его причитает, руки заломив:

— Ратуйте, люди добрые! Мой старик сапоги пропил. И домой явился пьяный, в соломенных чунях! Ратуйте, люди добрые!

И побила своего старика скалкой старуха. А виноваты-то во всём были чёртовы сапоги!

Щенок

Рос у одной матери отрок. Но был он груб и пакостлив. Неслухом бегал, озорником злым. Пришёл как-то он на ярмарку и увидел там старуху. И начал юнец бросать в старуху колючие репья лопухов. Вот, мол, тебе, ведьма горбатая!

А старуха была колдуньей. Сначала она терпела обиды, пыталась в толпе укрыться, но юнец настигал бабку. И тогда разгневалась колдунья, зыркнула очами и крикнула:

— Пошёл вон, щенок!

И превратился отрок в жалкого щенка. Приплёлся он домой, пролез в подворотню, начал на крыльцо карабкаться. Хотелось ему крикнуть:

— Мама, помоги! Что же это такое?

А получилось:

— Гав, гав! Гав, гав!

Мать вышла из сеней, отшвырнула собачонку ногой.

— Иди в будку собачью! Куда с грязными лапами лезешь? Будешь неслухом — сгоню со двора. Да и не нужны нам чужие собаки.

Но Барбос не пустил щенка в будку.

— Узнал я тебя, паршивец! Ты меня пинал частенько. Обижал. Теперь я тебе и обглоданную кость не дам. Будешь во дворе самой неприкаянной собачонкой.

И рыкнул грозно Барбос, зубы оскалил. Щенок поджал хвост, пошёл искать угол в курятнике. Однако и из курятника пришлось бежать. Петух набросился, начал клевать, бить крыльями:

— Кукареку! Бейте калеку! Не видеть ему добра! Он из хвоста у меня выдрал четыре пера!

Забрался щенок под крыльцо, дрожит. Лежит на старой рогоже. Голодно ему и холодно. А мать сына ждала, не могла ждаться. Так прошло недели три.

— Нехорошим рос мальчишка. Но ведь мог выправиться, одуматься, — вздыхала мать.

— Вот я, мама! Неужели ты меня не можешь узнать? Мамочка, спаси меня! — хотелось плакать щенку.

Но слышалось только одно:

— Гав, гав! Гав, гав!

— Больно уж ты жалобно тявкаешь, — приласкала женщина щенка.

Он завилал хвостиком, заскулил, брызнули из его глаз горькие слезы.

— Собачонок, а плачет, как человек, — удивилась мать.

С тех пор, куда бы она ни пошла, щенок за ней бежит. И за водой к чистому колодцу. И в лавку к торгашу. И в лес по грибы. И на базар.

Щенок людям нравился. Как-то подошёл к женщине скорняк:

— Продай, баба, щенка!

— Жалко. Но возьми его задаром, мне двух собак не прокормить, — согласилась она. — Приблудный он.

Скорняк схватил щенка, обрадовался, а тот визжит, кусается, пытается вырваться. Мужик держит его крепко, идёт домой и приговаривает:

— Глупый щенок! Я тебя всё лето кормить буду сытно, а к зиме придушу, обдеру. И славная шапка из твоей шкуры получится.

С трудом превеликим удалось убежать щенку от живодёра. Заполз он под своё крыльцо, лежал там три дня и три ночи. Боялся высунуть нос. Но мать на четвертый день заметила его.

— Убежал, значит, от мужика? Ну, ладно, живи у меня. Корку хлеба найдём, а блинами собак не кормят.

Услыхал щенок про блины, завыл. Раньше так жилось хорошо! Спишь на полатях, а мать блины печет, масло в плюске топит. Кружку со сливками на стол ставит, горшок с осетриной ухватом из печи вынимает.

Пролились над станицей семь грибных ливней. Трижды в небе новый серп зарождался. Потерял надежду щенок, стал тихим. А мать частенько выходила на крыльцо.

— Где же сынок мой запропал? Али утонул в речке? Али в лесу звери его порвали?

Присоветовали люди сходить матери к одной старой колдунье. Взяла мать горшок с мёдом, да рушник новый, да яиц дюжину. Пришла она с поклоном к чародейке.

— Прими подарки мои да скажи, где мой сынок запропал, — заплакала мать.

Колдунья налила воды в миску, бросила туда уголь горячий. Закипела вода, забурлила. Белый пар закружился. Ворона из облака вылетела. Чёрная кошка из-за печной трубы выскочила. Лопата с ухватом плясать в избе начали. Колдунья подала женщине кринку с молоком:

— Придёшь домой, дай испить этого молока своему щенку. Он и укажет тебе, где сынок твой!

Прибежала мать домой, плеснула щенку в черепашку молока. Лизнул он молока и превратился в мальчика. Говорят, поумнел юнец. На этом и сказке конец.

Повесть о прозрении

Один юнец по имени Глеб встретил как-то по дороге с ярмарки дьявола. Присели они вместе отдохнуть возле ручья, разговорились. Отрок-юнец стал жаловаться. Мол, жить противно и тяжело, учиться неохота. И дома работы много: то дров наруби, то воды принеси, то снопы молоти, то сено коси. Вот и на ярмарку посылали за солью.

— А что бы ты возжелал для себя? — спросил дьявол. Юнец долго не думал, ответил сразу:

— Мне бы волшебный кошель с деньгами. Чтобы всегда в кошеле лежало сто золотых червонцев. Чтобы не убывали деньги из кошель, сколько бы я ни тратил.

— Есть у меня такой кошель, — прищурился дьявол. — Могу я, отрок, отдать чародейный кошель тебе. Не задаром, конечно.

— Ты, сатана, душу мою хочешь купить? — улыбнулся юнец. — Душу я не продам. И не торгуйся даже.

Засмеялся дьявол:

— Нет, отрок, твоя душа пока еще светла и чиста. А я покупаю токмо чёрные души.

Юнец рассуждал:

— Что же я могу отдать за кошель? У меня ничего нет!

— Отдай мне свою память, — сказал дьявол.

— Я не буду помнить ни о чем? Я забуду даже свою мать, свою сестренку, своё имя? — спросил юнец у дьявола.

— Да, ты забудешь обо всём, почти обо всём, — усмехнулся дьявол.

Юнец стал прикидывать, обдумывать предложение сатаны. Мол, позабуду о родном очаге? Ну и что! Не велика беда! Я смогу для себя более богатые хоромы возвести. Деньги же в кошеле не станут убывать...

Жалко юнцу было только сестрёнку и мать, которых он любил. Дьявол догадался, о чём размышляет отрок. Стал сатана его успокаивать: мол, понимаю, что ты очень любишь мать. Но я не покупаю твою любовь к матери, ты будешь любить её, как и прежде. Но ты не вспомнишь лица своей матери. Ты не вспомнишь дороги к дому. Ты заблудишься.

— А ежели я передумаю, захочу расторгнуть уговор с тобой? Ежели я захочу вернуть память, что тогда? — допытывался юнец.

Дьявол объяснил:

— Захочешь вернуть память, тогда потеряешь чудодейный кошель и одно око. Станешь нищим и одноглазым.

— Согласен! — ударил юнец по рукам с нечистой силой.

Дьявол бросил кошель с деньгами и пошёл, приговаривая:

— До встречи, отрок! Как прекрасно твое синее око! Мне давно хочется посмотреть на мир через такой голубой глаз! Ха-ха-ха!

Юнец поймал кошель, пересчитал монеты. Захотелось ему бежать в лавку, удивить купца золотыми червонцами. Но вокруг были холмы, незнакомая местность. Отрок остановился растерянно на перекрёстке дорог. Он не знал, куда пойти. Поплёлся наугад, да не в ту сторону. Так вот он неделю шёл, вторую, третью. Подвозили его на телегах, на быстрых тройках с колокольцами, на парусниках торговых.

Платил он хорошо, потому его принимали с поклоном в харчевнях, и в купеческих лавках, и на постоялых дворах. Коробейники несли юнцу кафтаны, серебром шитые, сапоги сафьяновые, шапки и шубы бобровые. И прислуга у юнца появилась.

— Кто я такой? Где мой дом? — спрашивал он иногда у слуг.

Но слуги отвечали с поклоном:

— Господин изволит шутейничать! С его деньгами, с его богатством везде родной дом!

Вода в реке течёт, не ведает про счёт. Но черти дни перебирают. Но ангелы годы считают. На радуницу, в день поминовения родителей, запечалился юнец. Объехал он полмира, а дом свой не мог найти. Да и как он мог узнать свой дом, если он ничего не помнил?

Ехал юнец в богатой коляске, с кучером, глядел по сторонам рассеянно. Иногда он бросал нищим деньги. Возле церкви стояла женщина с девочкой лет семи.

— Мама, это едет наш Глеб-Глебушка, — сказала женщине девочка.

— Бог с тобой, дочка! В коляске едет какой-то очень богатый и важный господин. Он, конечно, похож на Глеба нашего. Но люди бывают похожими. Горе замутило наш разум, дочка.

— Нет, это Глеб! Глеб! — бросилась девочка наперерез коню, который вёз богатую коляску с навесом из белого шелка.

Девочку чуть не сбило оглоблей. Кучер натянул вожжи так, что лошадь вздыбилась. Коляска налетела колесом на камень и опрокинулась, упала в лужу. И кучер, и важный господин еле вылезли из глубокой и грязной лужи.

— Надери за ухо эту паршивую девчонку! — приказал кучеру молодой господин.

— Я выдеру её дома хворостиной! Вы уж простите нас, господин! Мы принесли вам большой убыток! Ваш бархатный камзол в грязи. Я могу постирать вашу одежду. Платить за урон мне нечем. Мы — люди бедные, — винилась мать юницы.

А девчонка онемела от испуга. Мужики вытащили коляску из лужи, поправили упряжь: мол, садитесь, господин, продолжайте путь. И не гневайтесь, извиняйте глупую бабу и девчонку-несмышлёнку.

Взялся кучер за вожжи. Господин бросил в толпу горсть золотых червонцев. И поехала коляска дальше. Не узнал молодой путешественник свою сестрёнку и мать. А за подаванием везде бросаются чуть ли не под колеса. Семь лет странствий — и везде одно и то же!

— Нам бы обсушиться на постоялом дворе, — предложил кучер.

Гостей приняли хлебосольно. Особенно понравилась богатому путнику дочка хозяина. Она принесла на подносе еду, постелила чистую постель.

— Ты мне понравилась. Я бы с тобой согласился пойти к венцу, — сказал гость.

— И вы мне любы. Но я ведь не знаю, кто вы.

— Я очень богат, — похвастался юноша.

— Богатыми бывают и разбойники, — поклонилась девица, собираясь уйти.

— Разве я похож на злодея, на разбойника? — поднял бровь гость.

А девица стала шутливо отговариваться:

— На разбойника вы не похожи. Присылайте сватов. Но познакомьте меня с родителями своими. Для согласия и благословения. В нашей округе вас люди не знают.

И ушла девица, дверь прикрыла. Запечалился юноша. Вышел он во двор вечером и пошёл побродить под луной. Ходил он, ходил. Пришёл случайно на кладбище. А навстречу ему дьявол:

— Здравствуй, добрый молодец! Как поживаешь?

— Это ты, сатана? Плохо мне живётся. Камень лежит на душе. Хочу увидеть мать и сестрёнку. Хочу договор с тобой расторгнуть, прозреть! Хотя бы одним оком!

Нечистый не возражал. Взмахнул он посохом, и вспыхнул рядом костёр.

— Я бросаю договор в огонь. Но ты будешь сразу же одноглазым оборванцем.

— Согласен! — беззвучно пролепетал юноша.

И сгорела грамота дьявольская в костре. Сатана с дымом улетел. Страшная боль пронзила юношу. Упал он. И лежал без памяти на земле до утра. А когда пропели утренние петухи, взошло солнце. Оборванный, с чёрной повязкой на глазу, вышел с кладбища юноша. И узнал он сразу своё село, увидел свою хату. Навстречу ему бежали со слезами на глазах мать и сестрёнка. И встал перед ними на колени Глеб. Прозрел!

Сурок-рудокоп

В шёлковой одежде не водятся вши. В хорошей семье все дети хорошие. Но и в плохих семьях иногда вырастают отроки добрые.

— Не обманешь — не проживешь! — учил отец Харитошу.

Но не соглашался с отцом Харитоша. Рос он тихим и добрым, а с двенадцати лет ушел к соседу-кузнецу в подручные. У кузнеца и овладел Харитоша умением лудить котлы и казанки, паять посуду дырявую.

Жил Харитон скромно: не бедно, не богато. А отец от сына отрёкся, выгнал его из дому. Да и от мачехи не было житья в родной избе. Кузнец помог Харитону вырыть землянку. И вскоре весь городок казачий пошел к лудильщику. Никто не умел так, как он, лудить посуду.

И копились понемногу денежки в схороне у Харитона. Олово покупал он у торговшей заморских. Дорогое было олово. Однажды ушел Харитон на пристань встречать караван купеческий. А мачеха скользнула в землянку Харитоши, как мышь-крыса. Нашла мачеха схорон с деньгами и похитила накопленное.

Привёл Харитон купцов с оловом в свою землянку: мол, покупаю у вас три пуда олова.

— Деньги на бочку! — обрадовались купцы.

Но денег Харитон не нашёл — схорон был разорённым. А где вор? Ищи ветра в поле! С этого дня и наступила поруха. Совсем обеднел лудильщик. Стал он ходить в степь на ловлю сурков. За день удавалось выкурить из нор два-три сурка. Добыча не самая бедная: мясо — на жарено, шкурки — на шапки.

Как-то поймал Харитон крупного сурка. Шкурка у него была — ни в сказке сказать, ни пером описать. Золотая в белую крапинку!

— Отпусти меня, человеке! — взмолился сурок.

— Почему же я должен тебя отпустить? — спросил Харитоша.

— Я не простой сурок. Я царь всех сурков. Ты получишь за меня выкуп! Говори, что тебе надобно? Любое твоё желание исполню!

Подумал Харитон и ответил:

— Мне олова надобно.

— Будет олово тебе. Хоть сто пудов. Собирай землю возле наших нор и плавь её. Это не земля, а руда оловянная.

Лудильщик выпустил сурка на волю. И стал Харитон с тех пор богатым. Наплавил он олова триста пудов. Лудит котлы и казаны. Чеканит из олова плюски, отликает солонки и ложки. А работают на лудильщика сурки-рудокобы.

Не ворошите капища

Как разбогател от олова лудильщик Харитоша, так зачастила к нему мачеха. Однажды она и вовсе в ноги упала с покаянием. Мол, прости меня, Харитон, каюсь горько. Это я у тебя схорон разорила в землянке, я деньги твои похитила. Обрекла тебя на голод и бедность. Прости меня, глупую и жадную!

— Бог простит! — смирился Харитон.

А хитрая мачеха пыталась выведать, как разбогател Харитон. Он, однако, и не собирался тайну блюсти. Так, мол, и так. Поймал я сурка, а сурок оказался князем всех сурков. И наобещал он выполнить любое мое желание за свою свободу.

— И что же ты запросил? — скукожилась мачеха.

— Олова. Руды оловянной запросил! — признался простодушный Харитоша.

— Господи! Харитон поистине слабоумный! — подумала мачеха.

Мол, в степи капищ-могильников древних много. А в тех захоронениях бляхи золотые, браслеты и кольца. Сокровища разные. Человеку с лопатой трудно найти это золотишко. Да и заклинание есть у казаков:

— Не вороши капища!

Никто не решится нарушить заклятие, но сурков-то заветы людские не касаются. И легко они могут найти любое сокровище под землей.

Взяла мачеха сеть, побежала в степь выкуривать и ловить сурков. Недели через две поймала она всё же царька сурочьего.

— Отпусти меня, достану тебе из-под земли всё, что ты запросишь! — стал упрашивать жадную старуху сурок.

— Тащите мне золото! — приказала она.
— Нет здесь золота, — пригорюнился сурок.
— А в могильниках? — тряхнула старуха сурка.
— В могильниках золото есть, но там обитают и мор, и язва, и чума, — стал предупреждать сурок старуху.

— Заразу я в реке солью отмою. Золой берёзовой и щёлоком отчищу. Кипятком и наваром из полыни обварю! — не унималась жадная старуха.

Заставила она сурков тащить золото из могильников. И принесли зверюшки ей богатство — браслеты тяжёлые, ожерелья из самоцветов, серьги — слёзные голубиночки, лошадей ликами людскими, орлов трёхглавых...

Ничего, однако, не продала глупая баба. Проникла в хату с богатством и язва — чума моровая. Заревела и сдохла корова, пали свиньи и куры, лошадь околела. В то время к язве одно решение было. Померла в муках жадная старуха, а станица стала её хоронить. Обложили казаки соломой избу чумной бабы. И поджог есаул солому. А приговорка казачья жива до пор: не вороши усыпальниц!

Машок — трава приворотная

«Машновать — молиться...
машок — трава приворотная».
В. Даль

Сытые кони — за пряслом в загоне. Божья мать — на иконе. В корчаге — сдобное тесто. У каждого в жизни — место. Бабка ваша проста, верит в Христа. А ране, в далекие времена, было много богов: Ярило, Перун, Велес, Маш, Берегиня, Коляда, Лада и Купала... других позабывала!

Однажды собрались древние боги и заспорили, кто дольше проживёт. Ярило хвастался, что его щит круглый, свет излучает для мира. Перун был из чистого золота, его ржа не брала. Велес народы одаривал скотопажно, книгу мудрую начертал. Бог Маш людей судьбами наделял. Предсказаниями и ворожбой он ведал. Коляда праздники и веселье к зиме устраивала. Без Купалы все завязи пустоцветились. Богиня Берегиня люльки с младенцами качала, хворобы отгоняла. Лада олады пекла, играла с детишками в ладушки:

— Ладушки, ладушки! Где были? У бабушки! И у нашей бабушки ели мы оладушки! Вновь пришли мы к бабушке — пробовать оладушки. Но сказала нам квашня: «Бабушка гулять ушла! Ты сиди, квашня! Я гулять пошла!»

Спорили древние боги, кто вечен. Но от Ярилы один щит остался. Перуна золотого люди в безумстве разрубили на куски, переплавили на червонцы, кольца и браслеты. От Велеса остались коровы и лошади. От Купалы и Коляды — озорство и колядование. От Берегини и Лады сохранилась любовь к детишкам. А от бога Маша пошли знахарки и ворожеи, да трава приворотная — машок!

И трава-машок — казачья трава. Захватили как-то казаки в море корабль. А на том корабле была княжна горская. Везли купцы княжну на продажу в гарем султана.

— Радуйся, княжна! Ты свободна. Привезём тебя в станицу нашу казачью, выберешь ты любого молодца в женихи, — сказал атаман княжне.

Он замыслил своего сына женить на пленнице, но не возрадовалась княжна. Тосковала по своей сакле в далёких горах. Казачки говорили княжне:

— О чём тоскуешь, девица? Саклю твою враги разграбили и сожгли. И все родичи твои погибли. Куда ты пойдёшь, сирота?

Не помогали, однако, уговоры. Бледнела и таяла княжна с каждым днем. Тогда и угрозил атаман травознайке колдунье. Вылечи, говорит, ведьма, пленную девицу, а то я тебе башку отрублю.

Погадала знахарка на бобах и ответила:

— Надобно напоить полонянку отваром травы приворотной. Но где она растёт, ведает в станице токмо кузнец. Я сама у него ту траву покупаю. Стара и немощна я, нет у меня сил по степи шастать. Иди до кузнеца, атаман.

В траву-машок атаман не верил, но ходил до кузнеца. Так, мол, и так, съезди, мол, за травой приворотной. Да попытайся девку пленную отпоить, вылечить. Мабуть, не врёт знахарка.

Кузнец привёз волшебной травы, стал угощать полонянку отваром. И вскоре она оздоровела, повеселела. Атаман сваху послал к пленнице. Да не приняла поклона горянка. Мол, люб кузнец. Пойду с ним под венец.

С тех пор и поверили люди в приворотную траву-машок. И я, бабка Дуня, старая колдунья, беру на Купалу мешок, иду за травой-машок. От болезни я бабу любую избавлю. Байкой детишек всегда позабавлю. И вам предскажу я дорогу казачьей судьбы, но не крадите в моём огороде бобы.

Бердяева слобода

Так уж принято у казаков: седина в бороду — делай про запас гроб. И не из плах сучковатых, не из хундри трухлой, а из лесин нетленных. Дабы слезой смолистой благоухал гроб, звенел от постука. И лёгким бы был, как пух лебяжий. Не гроб чтобы, а сказка! Стоятельный хозяин завсегда для себя гроб имеет. Начала сесть у казака Бердяя борода, — вытесал и сколотил он для себя усыпальницу. Ан печально на душе от предвиденья. По несуразной тоске выпил Бердяй сивуху, лёг в гроб и уснул. А соседка зашла к нему в хату и обомлела. Стоит на столе гроб. в гробу хозяин мертвый. Преставился, значит, а никто не знает. Положила баба почившему Бердяю на веки по пятаку, свечку зажгла. Людей позвала.

Батюшка-священник отпел Бердяя. Принесли люди на кладбище гроб, дабы схоронить казака. А прощельги могилу не выкопали. Тут и дождь начался. Поставили казаки гроб на ковыли и ушли. Мол, кто могилу выкопает, тот и похоронит Бердяя.

Так вот все и разошлись под дождём. А тут вечер подоспел, солнце закатилось. Проснулся Бердяй, откинул крышку гроба... И понять ничего не может.

— Должно, черти пошутковали! — подумал Бердяй.

Встал казак, прикрыл пустой гроб крышкой, дабы он под дождём не разбух, и пошёл к своей хате. А гроб он оставил, не признал в сумерках за свой. Залез Бердяй на полати и уснул.

Утром прощельги выкопали могилу на кладбище, схоронили пустой гроб. И крест над могилой водрузили. Один прощельга предложил другому:

— Бердяй умер, царство ему небесное, а родственников у него нет. Пойдём-то обшарим его хату. Мабуть, схорон денежный отыщем. А мабуть, корчагу с брагой...

Пришли прощельги в хату Бердяя, начали обшаривать углы. А хозяин и говорит им с полатей:

— Чаво шукаете?

Вылетели прощелыги в страхе из хаты, побежали к атаману. Но к атаману пришёл вскоре и Бердяй. Начал было Бердяй жаловаться, однако атаман и слушать его не стал: — Ты помер вчерась. Тебя соборовали, отпели, схоронили. В книге у батюшки запись о твоей смерти. Изыди вон, Бердяй! Чтобы я тебя не видел в станице. Имей совесть, коль помер.

Пришлось казаку Бердяю уйти из станицы. Вырыл он землянку на безлюдной земле. Опося избу срубил. Другие бродяги возле Бердяя вскоре поселились. И выросла Бердяева слобода.

Постриг — посвящение в казаки

Был на Яике обычай такой: постриг, посвящение в казаки.

Справляли постриг один раз в год, осенью. Как исполнится отроку три годика, усаживали его на коня в день Симеона-летопроводца. И поныне так делают. Посадят мальчонку на смирную лошадь и водят по станице коня уздой. Ныне постриг — шутейный, ласковый, для забавы.

А ране детей всурьёз усаживали на горячих коней. Бросят дитятку на спину жеребца, свистнут, нагайкой щёлкнут. И рванется конь в степь, аж ковыли пригибаются. Ан редко детишки с коней падали. Уцепятся они в гривы и скачут, как будто казаки в истине. Ежли мальцы и падали, кони никогда не наступали на них. Конь — существо доброе. Не калечились дети на постриге.

Но как-то появился на Яике злой человек. Был горбат он с детства. С полатей упал и вырос горбатым, потому и звали его Горбуном. Бог шельму метит. Однажды перед постригом Горбун прокрался ночью в загон, где стояли кони. И намазал, натёр воском Горбун спины всех лошадей. Чтобы скользкими стали спины коней, чтобы падали детишки на постриге.

— Я горбат. И они пущай искалечатся, растут горбатыми! — рассудил злыдень.

Полагал Горбун, что никто не заметит его пакость, но злодея увидел случайно в ту ночь станичный кузнец. Не спалось что-то кузнецу, и собаки брехали. Вышел коваль на крыльцо. Тут и луна из-за облака выглянула, осветила мир божий.

— Что это Горбун по загону шастает? Верхом не умеет он ездить, может, колдует, порчу наводит на коней? Или кобылиц тайком доит?

Подошёл поближе кузнец крадучись. Встал за туловом тополя, глядит. А Горбун спины конские чем-то мажет. Ничего не понял кузнец. Рано утром пришёл он к атаману: мол, видел ночью, как чародействовал Горбун в загоне конском. Атаман взял кузнеца с собой:

— Пойдём, осмотрим коней.

Так вот и раскрылся умысел Горбуна.

— Воском натёр злодей спины конские, дабы детишки на постриге падали и калечились. Но, ить, казачата у нас шустрые, цепкие. Они энто испытание выдержат. Ты молчи, кузнец. Я сам придумаю наказание Горбуну, — сказал атаман.

И пошёл постриг, как обычно. Посадили родители детишек на коней. Взмахнул булавой атаман, пушка стрельнула. Разгородили казаки загон, гикнули, нагайками щёлкнули. Понеслись горячие кони в степь, аж земля загудела. И ни один казачонок не упал с коня.

Догнали казаки верховые детишек, сняли их с коней. Празднество началось хлебосольное. Горбун вместе со всеми ковш вина выпил. Тут атаман и обратился к миру:

— Слушайте, люди добрые! Ночью видел кузнец случайно, как мазал Горбун воском спины конские в загоне. Хотел злодей, чтобы детишки наши упали на постриге и

покалечились. Какое наказание мы придумаем для пакостника? Как порешим? Может, посадим Горбуна на дикого жеребца да ужалим коня под брюхом нагайкой? И пущай скачет Горбун в степь.

Схватили казаки Горбуна, забросили на жеребца и выжгли коня плетью. Полетел бешеный конь в степь. Горбун долго на коне не продержался, упал, ногу сломал, плечо вывихнул. Приполз он в станицу на четвереньках, заскулил:

— Помилуйте, казаки! Бес меня попутал!

Выл жалобно Горбун, а сам со злобой затаённой на кузнеца поглядывал. Но кузнец не боялся Горбуна. Кузнец мог быка за рога схватить и свалить пороса, шею ему сломать.

Так уж устроены люди. Кто-то силой славен, а кто-то наполнен коварством и злобой. Кто-то богат умом, а кто-то набит....

Быка за рога

Изничтожили злыдни казачество. Извели обычаи начисто. А прежде на Пасху в каждой станице загон ставили для борьбы с быками. Быков злых и могучих загодя к бою готовили, бодаться учили смертельно. Не с оружием на борьбу с поросом охотники выходили. С гольными руками!

Схватит казак быка за рога, крутанёт. И хрустят утробно позвонки, трещат хрящи, ломаются кости. Сильные и ловкие казаки вмиг быку шею ломали. И падал порос грозный с рёвом, пучил налитые кровью глаза.

Бывало, и не одолевал казак быка. Тогда зверь сбивал охотника, пронзал рогами, топтал копытами. И погибал казак. Но ежели охотник побеждал быка, то получал награду великую: полную шапку золота и серебра. Толпа бросала деньги в шапку, подбадривала добровольцев, подначивала.

А однажды заползло на игрища злодейство. Некий Горбун ненавидел кузнеца станичного, Кузьму. Знал Горбун, что выйдет кузнец на борьбу с быком. Кузьма был самым сильным в казачьей станице, а Горбун обычно скоморошничал на праздниках, кривлялся ряженым. Деньги в шапку собирают ряженные, кличут охотников на бой с поросом острогим.

Горбун ранним утром приласкал горбушкой хлеба быка в загоне. И натёр Горбун воском бычьи рога, дабы они стали скользкими. А народ ничего не заметил. Собралась толпа шумная. Кузнец ближе всех стоит у изгороди.

И начал Горбун выкрикивать, глашатайничать:

— Выходите со двора, начинается игра! А за то, што мы игривы, сыпьте в шапку нашу гривны! Казаки — не бедняки, не бросают медяки. Кто уронит золотой, тот поистине святой. У кого в руках силенка? Кто повалит телёнка? У кого сопля в носу, тот не свалит козу. А кто смелый, тому плод спелый. Шапка наша не пуста. Набросали рублей с полета. Ну, кто гольными руками ухватит быка за рога? Кому жизнь не дорога?

Шаталась в толпе любопытных у загона с быком и станичная знахарка Евдокия, колдунья-ворожея. Подошла она к рослому кузнецу:

— Дай алтын, Кузьма. Окажу я тебе помощь в битве с поросом бешеным

Рассмеялся кузнец:

— Шею быку я сломаю и без твоей помочи, ведьма. Но деньгами тебя одарю, бабка. Скуп я по нутру, однако и целкового для тебя, убогой, не жалко!

Одарил кузнец колдунью рублём. Она ему туесок подала.

— Что у тебя в туеске? — спросил Кузьма.

— Зола берёзовая, — поклонилась бабка Евдокия

— Знахарка из ума выжила, — подумал кузнец.

Высыпал он золу в загон к быку, а туесок отдал ряженому Горбуну. Мол, у тебя шапка полна денег, а люди бросают и бросают серебро и червонцы. Собирай деньги и в туесок, а я пойду в загон, к поросу-зверю.

А бык трубно ревёт. Земля из-под копыт в облака летит. Мотает зверь головой бодливо. Кузьма пролез под жердь загона, пошёл в развалку на пороса. Сразу тихо стало. Даже собаки перестали брехать.

Схватил кузнец быка за бодалы. Но порос вырвал рога из рук добровольца-охотника. И ударил зверь лбом под бедро кузнеца. Кузьма оторвался от земли, перевернулся в воздухе и упал на живот. А руки кузнеца ткнулись в золу у изгороди. Спасла зола Кузьму, хотя не понял он этого сразу.

Бык отступил чуть, чтобы разбежаться и ударить встающего кузнеца. Рог в живот человеческий нацелился, но Кузьма упредил выпад. Прыгнул он к поросу, снова схватил его за рога. А ладони кузнеца в берёзовой золе не скользят. Крутнул кузнец голову страшили обманно влево. Хитрость применил. И, яко молния, вправо круток! Хрустнули и сломались шейные позвонки быка. Рухнул зверь на колени, завалился.

А ряженный Горбун, к удивлению толпы, бросил шапку с червонцами, вскочил на коня и ускакал в степь. И никто его после этого не встречал, не видел. Нашли как-то череп и кости в солончаках, вроде бы скелет Горбуна. Но ведь не один Горбун был на земле горбат.

Слон

Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям! — сказано в священном писании. А сказал слова сии мудрые Иоанн Богослов.

Но не все человеки писание чтут. Жили в Московии два лизоблюда — Никулин и Гай. Стряпали они доносы тайные на бояр, стрельцов и даже на мужиков чёрных. И казнил всех по доносам государь Иван Грозный.

Однако пришло время, когда истощились клеветники на выдумки наветные. Придумали, было, будто на царя покушение готовится в роще Мытищинской. А государь повелел срубить рощу.

В тот год шах персидский послал слона с коврами в подарок царю московскому. Никулка и Гай проведали, что слон застудил ноги, еле-еле идёт. И не мог слон от застуды кланяться и вставать на колени. А шах в письме царю сообщал, что слон на колени встанет, подарки подаст хоботом.

Никулка и Гай порешили навет на слона выдумать. Написали они Ивану Грозному письмецо. Мол, шах персидский для насмешки слона послал. Мол, не встанет слон на колени перед государем. Де, крамола умышлена и глумление.

Царь-государь приказал страже:

— Ежли слон встанет передо мной на колени, казните зло доносчиков Никулу и Гая. На колья их посадите! А ежли правы ябедники, ежли слон не преклонит передо мной колени, то стреляйте в чудище из пищалей, рубите его секирами!

Вскоре слона привели на двор государев. Погонщик-перс бормотал что-то, руки к небу воздевал, но никто не понимал и не слушал погонщика. Не встал слон на колени перед царем. И выстрелили в слона из пищалей, изрубили его секирами. А Никулка и Гай награду получили по тридцать денег.

Но на другой день открылся обман Никулки и Гая. Дьяк-толмач перевёл мольбу погонщика-перса. Узнал государь, что у слона ноги заболели от холодов московских. Разгневался царь и повелел содрать кожу на дыбе с клеветников.

Никулка и Гай прознали о гневном царском от писаря-друга. И подались клеветники в бега. Добрались они до Астрахани, а там за хорошую плату перебросили их купцы на казачий Яик. Казаки на Яике жили сами по себе. Принимали они всех утекляцов из Московии и с Дона. Царь Иван Грозный и не помышлял преклонить Яик.

Но недолго прожили на воле клеветники. Другие беглецы из Московии опознали Никулку и Гая. И собрался на дуване круг казачий для суда над пакостниками. Нашлись и заступники у Никулки и Гая. Мол, за что их казнить? Погубили они какого-то зверя заморского, то бишь слона. А кто из казаков видел слона? Никто не видел слона! Может быть, энто чудище зело противно!

И постановил казачий круг: пущай Никулка, сын Никулин, и стряпчий по кличке Гай излепят из глины зверя-слона. Дабы в точности был и по росту, и по виду.

До самого солнцеворота лепили из синей глины слона Никулка и Гай. Народ часто подходил. Дивились люди:

— Не страхолудный зверь, видно, что добрый. Зазря вы, негодяи, слона загубили.

В день святого Петра-поворота, на макушку лета, собрался народ излепленного слона осматривать. И вдруг зашумел ветер, тучи чёрные налетели. Засверкали молнии страшные. Загремели громы ужасные. Ливень хлынул потопный. Никулка и Гай залезли под брюхо глиняного слона.

Люди побежали к хатам и овинам, к стогам соломы и копнам. Укрылись от дождя казаки, бабы и ребяташки. Но видели многие, как вонзилась в слона ветвистая красная молния. И проткнули кривые стрелы молнии Никулку и Гая. И даже бурьян кругом молния выжгла. Почернели от небесного огня Никулка и Гай, обуглились. А глиняный слон развалился от грома и сотрясений. И завалило бугром из глины два обугленных трупа.

Бугор тот до сих пор видать на Коловратном урочище. Но не ходят люди туда — место поганое. А вокруг бугра стали падший скот закапывать, скотское кладбище возникло. Этот сказ без прикрас, разуменье для вас. Не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, ни зверю, ни птицам.

Тюлень-спаситель

Корабль купеческий шел по морю в Персию. Вдруг налетела буря, паруса порвала, мачту сломила. А волны через борта захлёстывают. Вот-вот погибнет судно. — Жертвы требует морской царь! — прорычал капитан.

Но купцы богатые, с охраной, с телохранителями. К ним не подступишься. И решили тогда сбросить в море молодую вдову с ребенком.

— Муж у неё был в плену у яицких казаков. Там вроде и помер, — сказал один купец.

— Ежли вдова, то пора ей к мужу вместе со своим щенком! — кричал другой.

— Жертвы просит морской царь! — шумели матросы.

— Надо жребий кинуть. На кого уж упадёт! — протестовала приговоренная.

Но купцы с телохранителями схватили мать с ребенком и бросили их за борт. Буря, однако, не утихла. И корабль вскоре утонул. Никто с корабля не уцелел.

А молодница с мальчиком, наоборот, долго на воде держались. С волны на волну перекатывались, плыли. Вот уж и свирепый ветер утих. Волны стали плавными. Но больше не было у матери сил плыть с ребёнком. Стала она тонуть.

В сей миг всплыл из пучины тюлень. Ухватила за тюленя молодича, а он спокойно поплыл к берегу. В устье реки тюлень заплыл. И возле станицы казачьей приткнулся плавучий зверь к берегу. Мать сошла с ребенком на землю и видит: ведут казаки на казнь мужа её. Бросилась она к своему благоверному, но есаулы не подпустили её к мужу.

— Твой супруг паршивый, воевал супротив нас! Дважды из ямы бежал. Часового порешил. Не будет ему милости!

— Тогда и меня казните! И сына нашего! — заплакала молодича.

Москва слезам не верит, а казаки тем более. Затолкали они в куль приговорённого к смерти. И жену его с ребёнком туда же сунули. Да и сбросили этот куль с лодки в Яик.

Век жестокий был. Перекрестились казаки и к берегу погребли веслами. Однако вскоре увидели они, что не тонет куль. Зверь-тюлень на загривке притащил куль к берегу. И разорвал его зубами острыми. Вышли из воды мученики. Тут уж их казаки помиловали. Мол, вам сам бог велел жить и казачеству служить. Да и приговорённый к верёвке не тонет в воде.

Почему медведи разоряют ульи

Медведи и люди жили когда-то без распрей. А поссорил медведей с людьми бортник. Все бортники ленивы, ульи пчелиные не держат. За ульями уход нужен, забота. А бортники мёд в лесу добывают. Находят они деревья с дуплами, где живут пчёлы дикие. Когда не было бортников, дикий мёд только медведи пробовали. Обижают медведей бортники. А один хитрый старикашка-бортник и вовсе лишил медведей сладости. Нашёл в бору дерево с дуплом пчелиным. До осени ждать ему хотелось, чтобы мёду побольше выгрести. А как медведя не подпустить к дуплу? Старикашка поднял на верёвке к дуплу тяжёлую чурку. Привязал он конец верёвки за сук. Висит чурка на верёвке перед дуплом, покачивается.

Ушёл бортник домой, а медведь тут как тут. Забрался зверь на дерево. А чурка мешает ему, не даёт засунуть лапу в дупло. Медведь-то зверь простодушный. Оттолкнул он чурку, а она качнулась в ответ и стукнула медведя. Зверь осерчал, ударил по чурке лапой. Чурка отлетела, ещё сильнее качнулась, да так стукнула медведя, что он еле удержался на дереве. Медведь расвирипел, шлёпнул по чурке со всей силой звериной. Отлетела чурка далеко по дуге, но вернулась и так ударила медведя, что он упал с дерева.

С тех пор медведи бьются с чурками, но всегда падают с деревьев побитыми. Перехитрили медведей бортники. Осерчали на людей медведи. То корову задерут, то ульи разорят ночью, то лошади хребет сломают. А есть медведи-шатуны, которые не спят зимой в берлогах. Медведи-шатуны и на людей охотятся. Лес малиной красен, да шатуном опасен.

Ёж и белка

Белки любят поесть грибы. Но собирать грибы для белки опасно: и волк может схватить, и лиса. Ёж всегда рад полакомиться кедровыми орехами. Но высоко орехи, не достать ежу. А те орехи, что падают с обомшелыми шишками, не так уж вкусны.

И сказала однажды белка ежу:

— Друг мой ёж! Ты волка и лисы не боишься, тебе легко грибы собирать. Давай договоримся с тобой. Я буду для тебя прятать под деревом орехи кедровые, а ты для меня грибы собирать будешь.

Согласился ёж. Белка под каждым деревом орехи прятала для ежа всю осень. А ёж набрал всего одну кучку грибов. И завалился спать на зиму. Не выполнил обещания.

И есть люди, которые не выполняют обещаний. О таких и говорят:

— На него надежда, как на ёжа!

Кукиш с маслом

В хорошем огороде — весь горох Володе. Для мальчонки Глеба — репка вместо хлеба. Кто приходит с внуком, тому окрошка с луком. И тебе, Тарас, с красной клюквой квас. Коль придет Бориска, с мёдом будет миска. Но зазря, сорока, ты кружишься над пряслем. Для тебя, сорока, токмо кукиш с маслом!

Так вот приговаривают казаки, когда ладят чучело для огорода. Беда на огороде с птицами. Налетят и поклюют все бобы, горох, огурцы. Взял дед старую пику, прибил к ней гвоздём наперекрест перекладину. Вбил старик пику в чернозём возле огородных грядок. На острие пики дед набросил ободранную шапку-малахайку. А на перекладину надел залатанный зипун. Огородное пугало размахивало на ветру пустыми рукавами зипуна. И дед приплясывал вокруг чучела, припевал, показывал в небо фиги:

— Ты зазря, сорока кружишься над пряслем! Для тебя, сорока, токмо кукиш с маслом!

У старого ума, что у малого. Ушёл дед. Думал, птицы будут бояться чучела. Но пугало тут же махнуло рукавом:

— Эй, сорока! Угощайся горохом! Не бойся меня! Не хочу я сторожить огород. Хозяин обидел меня. Я пика казачья, в битвах бывала жарких не единожды. Тридцать врагов из седла выбила. Семерых проткнула насквозь. Я князю Пожарскому помогала бить ляхов. Ордынцев по степи гоняла. Однажды вместо стойки дубовой шатер царский на привале возвышала. А хозяин из меня чучело изладил. Гвоздём тулово пронзил. Татарский малахай на моё острие напялил. Не прощу ему надругательство и глумление!

Налетели вороны и сороки на огород деда, разорили и опустошили грядки. Бобы и горох поклевали. Репку лапами выгребли, унесли по гнёздам. Утащили птицы и рыбу вяленую с рогатки. И даже кость из будки собачьей. И осталась деду лебеда за пряслем, да кукиш с маслом.

Казачья притча о богатстве

Решила как-то свинья жить, как живут люди знатные. И купила Хевронья бобровую шубу. Накинула свинья дорогую шубу, ходит и радуется. Борона позавидовала свинье. Бороне тоже хотелось выглядеть богатой. Заказала Борона у кузнеца для себя золотые зубы.

Но пришло время пахать землю. Золотые зубы у бороны погнулись и выпали. А свинья после первого же дождя легла в грязную лужу, не сняв шубы.

Потому и говорят в народе: ни к чему свинье княжеские шубы, ни к чему бороне золотые зубы.

Страна Дурдуния

Во квашню — закваску. А усмешку — в сказку. Не за морями, не за лесами лежит страна с чудесами. Называется страна Дурдунией. Потому именуется так царство, что на троне там царь Дурдук. И царица у него Дурдучиха. И все дети у царя дурдучата. Да и в свите одни дурдумоны.

— Как мои подданные живут? — спрашивал каждое утро царь Дурдук.

— Страна Дурдуния — самая счастливая страна! — отвечали сытые дурдумоны.

А на самом деле в царстве была нищета. Пастбища запустели. Скот передох, в закромах и ларях голодные мыши бегали. И тюрем в стране Дурдунии было много. Кто недоволен, того в тюрьму. Кто слово плохое скажет о царе, того на плаху. Палачи в красных рубахах, с топорами. И глашатаи кричат:

— Эй, народ честной! Кому страна Дурдуния не нравится? Подходите сами, без суда! Кладите головы на плахи!

Так вот и переказнили многих. Замолчал народ, и обвинять стало некого. Пришли дурдумоны к царю с докладом: мол, некого казнить. Вот уж, де, две недели палачи даром хлеб едят.

Решил царь Дурдук сам осмотреть царство. Вышел он в город и сразу увидел высокого-высокого детину.

— Почему он выше меня? — возмутился Дурдук.

— Отрубить ему голову! — приказали тут же угодливые дурдумоны

Стража схватила детину. И казнили парня ни за что ни про что! На другой день дурдумоны установили повсюду мерки-перекладыны, чтобы измерять рост всех жителей. И кто был хоть чуточку выше царского плеча, тому сразу отрубали голову.

И снова в Дурдунии наступили тишь да благодать. Год проходит. У палачей топоры ржавеют.

— Некого казнить! — доложили дурдумоны своему владыке.

Разгневался Дурдук, выгнал в шею слуг. И запечалился царь. Больно уж глупы его дьяки, воеводы и палачи.

Увидела царица Дурдучиха, что горюет на троне владыка. И решила она советом помочь своему муженьку.

— Не кручинься, Дурдук! Подскажу я тебе, что делать. Переоденься-ка ты в отрепья нищего бродяги. Надень вместо сапог сафьяновых рваные чуни. Сажай и грязью лик свой царский выпачкай да и выйди с посохом через тайный ход из дворца. Походи по базарам, кабакам, по папертям. И послушай, что народ говорит. Мабуть, где-то крамола зреет.

Так и поступил царь. Переоделся он в бродягу нищего, измазался сажай и грязью. Согнулся он в три погибели, сгорбатился нарочито и выскользнул потайным ходом из дворца. Пошёл бродить по городам и весям, базарам, кабакам и папертям...

Для умного — наука, для Дурдука — мука!

— Как живется? — спросил царь у пахаря.

— Живется, как в Дурдунии! Мыши с голоду в соседнее царство-государство убежали. Дурдумоны дерут с нас то шкуру, то мзду. Вот и едим лебеду.

— Мужик тёмный, глупый. Какой с него спрос! — подумал царь

Отмахнулся он от пахаря, бредёт дальше. Увидел у кузни коваля, остановился.

— Здравствуй, кузнец! Как живётся-можется? — поклонился ковалю царь.

— В огороде хрен да лук, а на троне царь Дурдук! — насмешливо ответил кузнец.

Владыка едва сдержал гнев. Так хотелось ему ударить кузнеца посохом, кликнуть стражу, палачей. Но, в конце концов, успокоился: мол, кузнецу несладко живется. День и ночь стоит у наковальни. Можно и простить беднягу.

Заковылял царь дальше. Но все, с кем он встречался, проклинали страну Дурдуню. Поплёлся Дурдук во дворец, однако стражники дорогу ему преградили, схватили под руки.

— Пустите меня! Я ваш повелитель, царь Дурдук! — начал вырываться он.

— Ха-ха! — смеялись стражники. — Посмотрите, дурдучане, на этого безмозглого Дурдука! Он смеет называть себя царем! Ух, самозванец! Да мы тебя страшной смертью за это истребим! К тому же ты, оборванец, ростом выше плеча государева. А ну, становись под мерку-перекладину!

Начальник стражи саблей махнул:

— Казнить!

Бросили палачи царя Дурдука на плаху и отрубили ему голову.

Ангелы — хранители

Давно-давно, когда в небе горели два солнца, а по ночам — две луны, прилетали на землю ангелы. Люди жили тогда в пещерах и ямах, на деревьях гнёзда устраивали. Не было людям житья от чудищ — драконов. Набросились драконы и на прилетевших ангелов. Страшная битва была. Много ангелов погибло в сражении. Но люди помогали ангелам.

Племя Велеса рыло ямы глубокие. Сверху рвы устилались ветвями, прутьями ивы, листвой и травой. Драконы проваливались в эти ловушки-ямы. А люди забрасывали их камнями. Ангелы поражали драконов огненными стрелами. И перебили ангелы всех драконов. Остались токмо те чудовища, которые жили в морях и глубоких озерах.

Сотворив добро, улетели ангелы. Но каждого человека соединили они с небом невидимой нитью.

Тогда-то и вылез из одной проклятой пещеры Кощей Бессмертный. Увидел он, что каждый человек связан волшебной нитью с ангелом-хранителем. Призвал Кощей Бабу Ягу, чертей и говорит:

— Всех разгоню, дармоеды! Бездельники! Повелеваю вам злокозненно и хитро обрывать нити, которые связывают людей с небом. Человек должен копошиться, как червяк, в грязи, страхе, в зависти...

И разбежались бесы по земле, соблазняя людей на мерзость, преступления, зависть, буйство, разрывая нити невидимые. Намедни вот бес в кружку с брагой залез.

Но, что было, то мраком окутано. Может, что-нибудь бабка напутала. Да повинную голову меч не сечёт. А за мудрую сказку от мира почёт.

Пушка и плуг

Старый плуг заржавел, лемех у него отвалился. И бросили плуг в кучу железного хлама возле кузни. Старая пушка треснула, почернела. Не годна она стала для боя, для войны. Но пушку не бросили, а поставили на холме у церкви.

Возле плуга растёт лебеда, конопля, крапива. Да чёрная ягода. Иногда ворона мимолетная на остов плуга присаживается. Или сороки, воробьи.

А возле пушки всегда детишки. Они и верхом на пушке сидят, и в дуло заглядывают. В войну играют. И радостно пушке, тепло, приятно.

Возроптал плуг ржавый на судьбу.

— Где же справедливость? Я всю жизнь землю пахал, людей кормил. Люди каждую осень в честь меня праздники устраивали. Венками и колосьями меня украшали. Вином и медовухой меня окропляли. Костры вокруг меня зажигали.

А пушка ответила плугу:

— Что же ты ропщешь, друг? Хорошо ты жил, трудолюбиво и радостно. Сам говоришь, каждую осень урожай праздновал. А я, пушка, за сто лет ни одного праздника не видела. То война, то поход, то мятеж. На страже рубежей всю жизнь простояла. Не столичной потешной пушечкой служила, а войсковой! За это и ласка мне от судьбы через детишек!

Полено с порохом

Скоро варится в печке каша, а байка в поспешке не скажется. У одного жадного богатея воровали соседи дрова. А может, и не крал никто дров. Жадным был хозяин. Показалось ему, что поленница меньше стала к утру.

Но решил хозяин проучить похитителей дров. Взял он одно полено и высверлил в нём коловоротом дыру-полость. И набил он полено порохом, заглушку забил. Полено как полено. А брось это полено в печку — взорвётся. И тогда всю печь взрывом разворотит.

Пометил хозяин полено крестиком. Углем крестик нарисовал. А жену он упредил:

— Не бери сие полено меченое. Порох в полене. Всю печь разворотить может.

Вышел утром хозяин во двор. А полена с крестиком нет в поленнице. Подумал богатея, что утащили полено воры. Но не приходили похитители во двор к богатому хозяину. Просто корова чесалась ночью боком о поленницу. Стёрла она крестик.

Набрал богатея охапку дров, занёс в избу:

— Топи печь, жена. Напеки ковриги духмяные. Зажарь гуся. Да на крыльцо почаще выходи. Гляди, у кого печь взорвётся. Кого накажет суд божий!

Растопила жена богатея печь, гуся ошипанного тестом запеленала, горшок с мясом подхватила рогачём, к огню поставила. Квашня в корчаге всплыла. Можно вроде сдобу на ковриги валять в отрубях.

Но полыхнула печь огнём буйным. Оглушило грохотом хозяина и хозяйку. Развалилась печь. Еле выбрались хозяева из дыма. Сгорела у них изба, сгороны драгоценные, лари с хлебом и маслом, ковры заморские.

А добрый сосед на подмогу скор. Прибежал к пожарищу дед Мухомор. И достал он багром жареного гуся. Вот и притча вся!

Байка про упырей

Есть упыри кусучие. Они — как мыши летучие. Пьют по ночам кровь из детишек. Но заговор сотвори, не прилетят упыри. А бывают упыри в обличье людском. Бродят они по городам и станицам. Бродят и выискивают жертвы. Такие упыри прикидываются то нищими, то богатыми странниками, то случайными прохожими. В обличье девицы может прийти упыриха. В рамках чернеца может упырь затаиться.

Зашла как-то во двор деда Мухомора странница, попросила воды напиться. Лицо у женщины бледное изможденное. А глаза — неподвижные. Бабка Мухомориха пошла до колодца. Воды свежей зачерпнуть в бадью. А внучка Настя пса Полкана загнала в будку, закрыла его там заслонкой. Больно уж свирепо бросалась собака на странницу.

— Какое у тебя красивое ожерелье, юница! Позволь потрогать его, примерить! — попросила ласково пришелица.

Настя забыла о наказе волшебницы Берегини никогда не снимать ожерелье, никому его не давать. Девочка подала ожерелье женщине. Страница уставилась своими неподвижными глазами на глупенькую Настю. И стала бледнеть Настенька. А щёки женщины порозовели.

Принесла бабка Мухомориха воды в тuesке, а странницы нет. Пёс Полкан в будке лаем изводится. А внучка Настя лежит у крыльца бледная-пребледная. Вроде бы прилегла на рогожку и уснула. Поняла тогда бабка, что заходила во двор упыриха. Вытянула она все соки жизни из девочки. Да ещё и ожерелье чудное похитила.

Заголосила бабка Мухомориха. Дед Мухомор выскочил из хаты с ружьём. Полкан из будки собачьей вырвался и настиг упыриху за околицей. Упыри боятся собак, огня и креста. Тут народ сбежался. Мужики с кольями. Бабы с вилами.

Пришлось упырихе вернуть ожерелье. Упала она на колени с мольбой:

— Помилуйте меня, не предавайте огню! Я даже близко к вашей станице за сто лет не подойду!

Отпустили казаки упыриху. Не стали землю свою марать. А Настя тронула правым мизинцем голубую бусину... И спустилась к юнице с белого облака волшебница Берегиня. А о чём они говорили, это не слышала даже бабка Мухомориха. Но, говорят, вскоре Настя заневестилась. И про упыриху забыла.

Но ведь что ни говори, где-то есть и упыри. И растёт трава-пырей для козы и упырей. Но коль от грязи пупыри, то причём здесь упыри?

Хомут и ярмо

Хомут в конюшне ворчал на ярмо:

— Какое ты, ярмо, грубое! Погляди на себя... Нелепая оглобля, две деревяшки-перекладыны. Трёшь быкам шею. Одно мучение от тебя бедным животным. Как токмо они землю пахут в таком неудобстве.

Ярмо поскрипывало в ответ:

— А ты, хомут, мягкий. Войлок добротной кожей обтянут. Но супонь цепка. Не вырваться лошади. Захомутаешь коня, и нет ему жизни.

Хомут спорил:

— Я все-таки помягче, подбробнее!

Бык жевал в стойле солому и слушал перебранку хомута с ярмом. Рядом с ним конь измождённый стоял.

— Что же лучше? Ярмо или хомут? — спросил бык у клячи.

— Не знаю! — ответил конь. — Надобно узнать у хозяина.

Когда хозяин вошёл в конюшню, бык обратился к нему:

— Скажи, хозяин, что лучше: хомут или ярмо?

Покарябал затылок казак и сказал:

— Хрен редьки не слаще!

Правда и Кривда

Когда-то люди хорошо знали Правду и Кривду. Всюду торжествовала Правда. И народ встречал Правду с ликованием, хлебом-солью. А Кривду люди били палками, бросали её часто в тюрьму, за решётку.

И тогда решила Кривда обрести обличие Правды. Подкралась Кривда ночью к спящей Правде, украла у неё имя, одежду и облик. Проснулась Правда, а у неё нет ничего... Пришлось надевать ей отрепья и башмаки Кривды. Вышла Правда к народу и говорит:

— Кривда коварная похитила мой облик, одежду! Помогите мне, люди!

Но жалобнице никто не поверил. Толпа забросала её камнями и грязью. А Кривду везде принимали с почётом. И говорили ей:

— Живётся трудно. Скажи нам, Правда, когда мы станем жить справедливо и богато?

А Кривда обманывала народ:

— Радуйтесь, люди! Отдыхайте! Скоро каждому из вас построят бесплатно хоромы. Вас будут возить бесплатно в каретах. И наступит изобилие: будет много хлеба, мяса, пряников, мёду!

Время шло. За летом лето. За зимой другая зима. И ничего не менялось. Жить становилось всё тяжелее и тяжелее. Кривда понимала, что приближается расплата. Люди взбунтуются, побьют её прислужников. Да и самой ей не унести ноги от возмездия.

Пошла Кривда искать Правду. А та в тюрьме сидит — избитая, в синяках. Кривда и говорит:

— Бери, Правда, обратно своё имя, одёжу, обличие, ежели желаешь! А я в тюрьме посижу.

Правда простодушная согласилась. Переделалась она и вышла из темницы. Да зря вышла. По всей стране мятеж, пожары и убийства. Схватили люди Правду, разорвали её на части, растоптали в гневе. А Кривду народ из тюрьмы вывел с почётом. И нарекли Кривду люди Правдой.

Ледоруб, ухват, лопата

Собрались однажды на берегу реки ледоруб, ухват, лопата. Подошли к ним вскоре грабли. Оглобля старая приплелась. И даже метла. Порешили они на своем кругу единиться в казачью ватагу.

— Пойдём в набег за море. Показакуем и привезём шелка, богатства несметные! — призывал ухват.

— За море не пойду. Я плохо плаваю, — возразил ледоруб.

Лопате хотелось покопаться в Астрахани. И ворваться на стругах в реку Волгу.

Метла предупреждала:

— В Астрахань не можно. Там стрельцы царские с пушками. И на примете я для сыска.

Но ещё боле зашумела ватага, когда стали меж собой выбирать атамана. Ухват сам себя нахваливал:

— Я из огня горшки вытаскивал! Атаман должен без страха в огонь бросаться!

Ледоруб упрашивал шёпотом лопату:

— Ты меня выкрикни. Я тебя возведу в казначеи. Будешь грести червонцы во свой кошель.

Грабли полагали, что атаманом должна стать оглобля. Мол, оглобля длиннее всех, видит дальше всех.

Спорила, кричала ватага. И драка возникла.

— Ах ты, рогаль проклятый! — ударил ледоруб по ухвату.

Упал сломанный ухват. Лопата столкнула ледоруба с обрыва, и он утонул в речке. Грабли в бою все зубья потеряли. Оглобле хребет переломили. И лопата без черенка осталась. И метле все кудри повыдергали. Так вот и закончилась битва. Ин всегда за глупцом и буйном зарастает поле бурьяном.

Казачья гусярица

Зажарит ведьма сердце петуха. Озолотеют в небе тёмном звезды. Задремлет на бугре казачья стража и даже не услышит конский топот. Проснитесь, встаньте, казаки! Готовьтесь к бою, казаки! За волю вольную, за землю русскую!

Зажарит ведьма сердце петуха. И загорятся копны в поле хлебном. И выползет нежданно вражье войско. Погибнут в сече на холме дозоры. Готовьтесь к бою, казаки! Острите, сабли, казаки! За волю вольную, за землю русскую!

Зажарит ведьма сердце петуха. Война жестокая начнётся. И полетят полки огнём и бурей. И хищно будут вороны кружиться. Готовьтесь к бою, казаки! Острите сабли, казаки! За волю вольную, за землю русскую!

Зажарит ведьма сердце петуха. Простонет в ковылях сражённый воин. И конь заржет, заплачет чаровница. Осиротеет в люльке казачонок. Готовьтесь к бою, казаки! Острите сабли, казаки! За волю вольную, за землю русскую!

Зажарит ведьма сердце петуха. И в море упадёт луна кроваво. Но вырастет отважный казачонок. И сядет на коня, и вскинет саблю. Готовьтесь в бою, казаки! Острите сабли, казаки! За волю вольную, за землю русскую!

Сказка о золотом жеребенке

Цветь первая

Для квачи — мочало,
для сказки — начало.
На пашне пшеница,
богатство в зароде,
в корчаге квашня,
а былина в народе.

Трещала сорока,
тревожная птица:
Влюбилась в Ермошку
Дуняша-юница!

Никто не поверил
такому обману,
Ермошка не годен
в зятя атаману.

Но хитро на страже

сорока кричала:
— Три нитки — для пряжи,
для сказки — начало.

Цветь вторая

Судьбу не предскажешь:
то степь, то дорожка...
Ходил пастухом
казачонок Ермошка.

У Каменной бабы,
уйдя за увал,
и в червень, и в грозник
табун жировал.

И стали упругими,
быстрые кони,
настигнут врага
и уйдут от погони.

Старшины решили,
как было и встарь,
смотрины назначить
на месяц густарь.

Богатые гости
катили в станицу,
там брага хмелела,
там жарили птицу.

Потрескивал смачно
баран с вертела,
и песня к шинку
простодушных звала.

В станице казачьей
знал каждый ребёнок,
что есть в табуне
золотой жеребёнок.

Он прыгал, веселый,
на солнце горя.
Не сыщешь подарка
ценней для царя.

В чулках и со звездочкой
белой во лбу,
дразнил он князей

и смущал голытьбу.

Купцы за него
казакам обещали
сто сабель булатных,
две медных пищали.

Посол от султана
на торг приезжал,
дарил турмалин
и украсный кинжал.

Ермошка-пастух,
и оборван и тонок,
кричал:
— Не отдам,
это мой жеребёнок!

И видели все:
пастушонок свистит —
и ветром к нему
жеребёнок летит.

И хлеб осторожно
берет он с ладони,
ведь светлую душу,
чай, чуют и кони.

Был писарь в насмешке
ехиден и рад:
— Ермошка с рожденья
слегка глуповат!

Ить гол,
как сокол,
ни мошны,
ни силёнок,
а миру вопит:
— Это мой жеребёнок!

И все на дуване
смеялись толпой:
— Ермошка, Ермошка,
какой ты глупой!

За нашу лошадку
и без базаров
бухарцы отвалят
две тыщи динаров!

Богатством и торгом
устроена жизнь...
Но Дуня шептала:
— Ермошка, держись!

Шинкарь кривомордился:
— Странно, мол, странно!
С нищим якшается
дочь атамана.

И у колодцев
зудила станица:
— Влюбилась в Ермошку
Дуняша-юница!

Вина на отце
за такое вдвойне,
все дни
пропадает она в табуне.

С гривой игривой,
копытами звонок,
резвился в степи
золотой жеребёнок.

Цветь третья

Сказитель в побаску
приносит опаску:
найдётся ли клад
и живая вода?

Когда у шинка
мир устраивал пляску,
в степи суховейной
случилась беда.

Гонец прискакал,
с горя белый как мел:
конёк золотой
в табуне охромел.

Будь прокляты трижды
во веки веков
коварные норы
кротов и сурков.

Никто виноватых

в тот день не искал,
конёк оступился
и ногу сломал.

Злорадно промолвил
шинкарь у плетня:
— Коль ногу сломал,
то не будет коня!

Конину, однако,
и я не терплю,
но шкуру я
за два алтына куплю.

И печень сгодится,
пойдёт селезёнка...
Ну, кто для меня
обдерёт жеребёнка?

Уж очень ленивая
наша страна,
я ставлю охотнику
чарку вина!

И взвился Ермошка,
от гнева горя,
и начал нагайкой
хлестать шинкаря.

И все хохотали:
— Забава, забава...
Но разве на это
имеет он право?

Ермошку схватили,
и руки скрутили,
и привязали
к чугунной mortire.

А торг пораспался,
и не было гонок,
лежал в ковылях
золотой жеребёнок

— Зарежьте! —
угрюмо решил атаман.
Продайте татарам его
на махан.

Но Дуня заплакала:
— Смилуйтесь трошки.
Не режьте жеребчика,
Ради Ермошки!

Знахарка развеет
большую кручину,
к ноге поломатой
привяжет лучину.

И, встав на колени,
пропела девчонка:
— Авось и срастётся
нога жеребёнка.

Шинкарь суетился:
— У девочки хворь...
Шипел атаман:
— Ты меня не позорь!

Но все согласились,
бубня свысока:
— Подарим Ермошке
урода-конька!

Цветь четвертая

Не ведал и тот,
кто с прозреньем знаком,
что был жеребёнок
волшебным коньком.

У Каменной бабы —
попынь и увал...
Ермошка, горя,
судьбу проклинал.

Но бурка упала
испуганно с плеч,
услышал Ермошка
предивную речь.

Сказал жеребёнок:
— Ты зря возроптал,
я трудным уроком
тебя испытал.

Я знаю, где клад,
где живая вода...

Тебя я не брошу,
мой друг, никогда.

Могу раздобыть
и смолу-мумиё,
исполню любое
желанье твоё!

За это останусь
навечно хромым,
но будет счастливым
и хлеб твой, и дым.

И радостно было,
и страшно немножко,
не очень-то в чудо
поверил Ермошка.

Ответил Ермошка:
— Подай мне парчу,
и к Дуне поскачем,
жениться хочу!

Заржал жеребёнок:
— Садись на меня!
И в миг превратился
в большого коня.

Помчался Ермошка,
как через конвой...
Станица смеялась:
ведь конь-то хромой!

Принёс атаману
Ермошка парчу:
мол, сватаю Дуню,
мне всё по плечу.

Скрутил атаман
свой воинственный ус:
— Ты, вижу,
казак настоящий, не трус!

Но знай, Ермолай,
что мешает загвоздка:
ползёт к нам с востока
ордынское войско.

Найди, друг, ватагу,

врагов уничтожь.
За это я дам тебе,
что токмо хошь!

Ермошка коню
рассказал про беду.
Мол, как одолею я
злую орду?

А конь отвечал:
— Не горюй, не горюй...
При западном ветре
на палец поплюй.

У Каменной Бабы
зажги сухотрав,
и сгинет орда,
в том пожаре упав.

И юность на подвиг
Ермошку бросала,
И сыпало искры
казачье кресало.

И долго в станице
дивились тогда:
сгорела в степи
при походе орда.

Цветь пятая

Ермошка спешил
к атаману не зря,
посватался к Дуне
сынок шинкаря.

И, хитрый и наглый,
он, ластясь, не вдруг
поднес атаману
дукатов сундук.

Глядел атаман
раздраженно в окошко:
шел свататься к Дуне
паршивый Ермошка.

Икнул атаман:
— Я тебя поджидал,
но долго ты очень

орду поджигал.

Мабусть, понапрасну
была и тревога.
Пожар был от молнии
или от Бога.

Ты молод, Ермошка,
но явно шельмец.
Уж пас бы по найму
отару овец.

И конь у тебя
неказистый, хромой.
Проваливай лучше
обратно — домой.

Ведь взял я за Дуню
великий заклад,
а ты — голутва,
сирота, не богат.

Отдам тебе Дуню,
клянусь на святых,
но токмо
за два сундука золотых!

А нрав мой свирепый
округе знаком...
В чулане Дуняша сидит,
под замком.

Увидеть невесту
не мысли пока.
Неси мне червончики,
два сундука!

Цветь шестая

С нашестов на сон
петухи прокричали,
конь видит Ермошку
в житейской печали.

Лежит на соломе
Ермошка, сопит,
не слушает постуки
лёгких копыт.

Соседка в конюшню
несёт простоквашу,
кусок осетрины,
овсяную кашу.

Ермошка, как мёртвый,
зрачками — в насест,
не пьёт простоквашу
и тюрю не ест.

Должно быть, не стало
ни злости, ни сил...
И конь вострепнулся,
тихонько спросил:

— Не хочешь ты жить
в эту чёрную ночь?
А может, я чем-то
способен помочь?

Ермошка вздохнул:
— Задавила тоска...
червонцы потребны мне,
два сундука!

Такое сокровище
ты не найдешь,
главенствуют в мире
богатство и ложь.

Конь стукнул копытом:
— Вот здесь и копай!
Тут скрытно устроил
башкирин Сибай.

Ермошка лопатой
отбросил навоз,
копнул, удивился,
по коже — мороз.

Лежали в конюшне
безвестно, века,
цесарки с динарами,
два сундука.

Синели сапфиры,
алели рубины,
сверкали алмазы,
как слёзы невинны.

Дремал изумруд,
ни о чём не жалея,
и кольца рабынь,
и цариц ожерелья.

И те сундуки
из латуни чеканной
нести не смогли бы
и великаны.

Ермошка бегом к атаману:
— Идём!
Ведь два сундука
не поднять и вдвоём!

Разлука кусает меня,
как змея...
Но где моя Дуня,
где радость моя?

Сорвал тесаком он
с кладовки замок
и мёртвую Дуню
увидел у ног.

Не видеть ей солнца,
Ермошку-орла —
от горя в темнице
она умерла.

А конь в это время
стремительней стрел,
храпя, за живую
водой полетел.

Но люди у сказки
спросили тогда:
— В какой же кринице
живая вода?

И каждого ль ждёт
в этой жизни с пеленок
на трудной тропе
золотой жеребёнок?